РОВЕСНИК

РОВЕСНИК

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

Январь, 1977 год, № 1

На первой странице обложки: Кубе, свободной территории Америки, в этом месяце — восемнадцать лет. Столько же, сколько этой прелестной девушке, открывающей на острове Пинос традиционный кубинский праздник — родео.

Фото С. Петрухина

«КУДА ДЕЛИСЬ ВСЕ НАШИ ГЕРОИ?» — РАЗМЫШЛЕНИЯ АМЕРИКАНСКОГО ПИСАТЕЛЯ
и другие материалы о «героях», предлагаемых сегодня западным обществом.

МОСКВА. В целях широкого развертывания подготовки комсомольцев, всей советской молодежи к XI Всемирному фестивалю молодежи и студентов на Кубе, дальнейшего усиления интернационального воспитания подрастающего поколения, борьбы за мир и международное сотрудничество, за свободу и независимость народов в ноябре 1976 года создан и приступил к работе Советский подготовительный комитет.

Председателем комитета утвержден первый секретарь ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельников, его заместителем — председатель Комитета молодежных организаций СССР Г. И. Янаев. В состав СПК вошли лучшие представители советской молодежи — молодые рабочие, колхозники, работники науки и искусства, студенты, видные государственные и общественные деятели.

ЛУАНДА. Первый год независимости Народной Республики Ангола прошел под лозунгом «Труд, дисциплина, бдительность!». Мирный труд освободившегося от колониального ига народа, его энтузиазм и творчество приносят зримые плоды. Объединившаяся в организацию ЖМПЛА передовая молодежь, студенты успешно работают над восстановлением страны, овладевая трудным искусством строительства новой жизни.

На снимке: на одном из предприятий столицы Анголы.

БРАЗИЛИЯ. Начальные школы Бразилии в этом году снова не могут принять всех желающих учиться. Такое положение сохранится до 1981 года, сообщает отдел планирования министерства просвещения и культуры. Результаты исследований, проведенных министерством, показывают, что из каждой тысячи детей, поступивших в первый класс, законченное среднее образование получают лишь 77 человек: не хватает мест в школах, учителей, истощенные постоянным недоеданием ребята не способны осилить программу, многие семьи вынуждены посылать малолетних сыновей и дочерей работать.

НЬЮ-ЙОРК. На массовом митинге в поддержку справедливой борьбы чилийского народа против злодеяний кровавой хунты Пиночета представитель национального координационного центра солидарности с Чили Сэнди Поллак заявила, что только за один месяц в этой латиноамериканской стране были репрессированы более 3 тысяч человек, а 200 занесены в список «подлежащих устранению», иными словами, должны быть попросту убиты. После митинга его участники прошли пс улицам Нью-Йорка, перед зданием ООН, скандируя: «Чили — да! Хунта — нет!»

На снимке: «Чили будет свободной!» — такой плакат можно было видеть на митинге в Нью-Йорке.

ТОВАРИЩУ Л. И. БРЕЖНЕВУ, ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Глубокоуважаемый Леонид Ильич!

В день Вашего семидесятилетия передаем Вам от имени Всемирной федерации демократической молодежи горячие поздравления и самые наилучшие пожелания.

Демократическая молодежь хорошо знает Ваш выдающийся вклад в дальнейшую разработку и претворение в жизнь ленинской политики КПСС, в развитие советского социалистического государства, в расширение дружбы и сотрудничества между народами. С глубоким удовлетворением воспринимает молодежь мира Ваши неустанные усилия, направленные на укрепление единства позиций и влияния социалистического содружества, сплоченности международного коммунистического и рабочего движения, Вашу неоценимую поддержку борьбы народов за свободу и национальную независимость, прочный мир и безопасность народов.

Вся Ваша плодотворная деятельность направлена на разрешение насущных проблем современности, на обеспечение лучшего будущего человечества, жизненно важного для молодого поколения.

Ваше пристальное внимание к развитию международного молодежного движения, Ваша постоянная забота о воспитании молодежи в духе борьбы за мир, демократию и прогресс вселяют в нее твердую уверенность в славной победе благородных идеалов социализма. Для миллионов и миллионов юношей и девушек наших дней вся Ваша жизнь и работа представляют собой яркий пример героической борьбы за мир.

Бюро ВФДМ обращается к Вам с идущими от всего сердца словами благодарности за постоянную заботу и поддержку нашей организации, за Вашу высокую оценку ее деятельности. Позвольте нам в этот знаменательный день заверить Вас в том, что Всемирная федерация демократической молодежи будет и в дальнейшем активно бороться за мир, дружбу, демократию и социальный прогресс.

БЮРО ВСЕМИРНОЙ ФЕДЕРАЦИИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КПСС ТОВАРИЩУ Л. И. БРЕЖНЕВУ

От имени миллионов студентов во всем мире горячо и сердечно поздравляем Вас, выдающегося революционера, вождя Коммунистической партии и народа Страны Советов, с 70-летием со дня рождения.

Для демократического и прогрессивного студенчества мира Ваша жизнь является замечательным примером героического служения революционному долгу, беззаветной преданности благородным идеалам коммунизма и пролетарского интернационализма, делу мира, демократии и социального прогресса.

Огромен Ваш личный вклад в то, чтобы человечество было навсегда избавлено от угрозы новых войн, чтобы в практике международной жизни утвердился климат взаимопонимания и сотрудничества, чтобы безвозвратно ушла в прошлое эпоха «холодной войны» и конфронтаций и было надежно обеспечено мирное и счастливое будущее народов.

Мы видим в Вас замечательного представителя героического поколения, возмужавшего в битвах гражданской войны, отдавшего жар молодых сердец стройкам первых пятилеток, вынесшего на своих плечах основную тяжесть Великой Отечественной войны, поколения, сыгравшего неоценимую роль в развитии Страны Октября в самое могучее государство современного мира.

Сегодня в Вашем лице мы приветствуем весь великий советский народ, добившийся выдающихся успехов в деле построения коммунистического общества.

В день Вашего 70-летия от всего сердца желаем Вам, дорогой Леонид Ильич, здоровья, долгих лет жизни и плодотворной работы на благо советских людей и всего прогрессивного человечества.

СЕКРЕТАРИАТ МЕЖДУНАРОДНОГО СОЮЗА СТУДЕНТОВ

ТЕПЛОЕ ДЫХАНИЕ СИБИРИ

В октябре прошлого года у нас в стране состоялся Международный семинар по проблемам молодежной печати, организованный КМО СССР. Участники семинара — сотрудники коммунистических и прогрессивных молодежных изданий — побывали в Москве, Ленинграде, Иркутске, Братске, Усть-Илимске. По просьбе редакции «Ровесника» несколько журналистов из этой группы рассказали о своих впечатлениях от поездки по СССР в канун знаменательного для всех советских людей года — юбилейного 60-го года Советской власти.

Журналисты, как это ни парадоксально на первый взгляд, — пожалуй, самая неудобная публика для интервьюирования. Дело в том, что, исполняя непривычную для себя роль отвечающего на вопросы, журналист остается журналистом. Он и к интервьюеру прислушивается внимательно и ревниво, и себя слушает, как строгий редактор, машинально, хотя и из лучших побуждений, правя, сокращая, корректируя — словом, как бы заранее обрабатывает будущий материал за своего собеседника. А такая «помощь» далеко не всегда устраивает того, кто ведет интервью.

Об этом я и думал, входя в дверь с табличкой «524» на пятом этаже московской гостиницы «Юность». С хозяином комнаты, высоким, симпатичным южанином в очках, меня познакомили еще накануне: Альберто Флорес, сотрудник итальянской молодежной коммунистической газеты «Нуова дженерационе» («Новое поколение»).

С ЧЕГО НАЧНЕТ СВОЙ РАССКАЗ АЛЬБЕРТО

— Альберто, если не секрет, с чего ты начнешь свой материал о поездке в СССР?

Альберто удовлетворенно хмыкает: неожиданно он почувствовал преимущество отвечающего перед спрашивающим. Хочешь — отвечай, хочешь — нет.

— Не знаю пока... Может, вот с этого интервью; как считаешь, коллега?

— Не жадничай, Альберто! Выкладывай...

— Ну, тогда с самого яркого впечатления — от встречи со строителями БАМа. В этих ребятах столько задора, рвения в работе, духа коллективизма! Главное, они уверены в себе, в своем будущем. И какой тут видишь контраст, когда сравниваешь с итальянской молодежью. Только неверно такое сравнение: какой уж тут задор, если работы попросту нет? У нас, в Италии, чуть не 800 тысяч молодых безработных, а те, кому повезло, часто работают не по специальности...

На снимке: участников Международного семинара по проблемам молодежной печати принял в Кремле Председатель Совета Союза Верховного Совета СССР товарищ А. П. Шитиков.

...Жаль, конечно, времени маловато было, чтобы получше разобраться в характере вашей молодежи. Но и его хватило, чтобы убедиться, сколько у нас еще предвзятого, надуманного. Я, например, считал, что молодежь в Советском Союзе, как бы это сказать, излишне серьезна, что ли, необщительна, нерадостна. А все как раз наоборот: и общительная, и живая, и смеяться любит... Вот примерно с этого я и начну свою статью.

— Совпали ли твои представления об СССР с тем, что довелось увидеть?

— И да и нет. С одной стороны, я много читал о Советском Союзе, о ваших достижениях. Так что кое-какое представление имел. И все же Сибирь меня просто поразила. Мы, итальянцы, думаем о ней только как о крае снегов и тайги. А тут такое увидели — Усть-Илимскую ГЭС, Братск, это все просто здорово! Теперь мне стало понятнее, что́ конкретно вы имеете в виду, когда говорите, что Си-

бирь, бывшая при царизме местом ссылки революционеров, превращена за годы Советской власти в высокоразвитый край.

— Кстати, Альберто, какие вопросы на моем месте сейчас задавал бы ты?

— Да, пожалуй, те же самые... Вот, может, еще о нашем семинаре?

— Считай, что я его уже задал.

— Очень полезное дело. Думаю, семинар положил начало будущему более тесному и эффективному сотрудничеству между прогрессивными молодежными изданиями. Хорошо бы проводить такие встречи и впредь, они помогут прогрессивным молодежным организациям в их борьбе за мир и права молодежи.

«ФАНТАСТИКА, НЕ ТАК ЛИ?»

И на этот раз я в гостях у очень симпатичного человека... Читатель может усмехнуться: повторяется автор. Согласен. А что поделаешь, если повторилась, к моему удовольствию, сама ситуация.

Ее зовут Донна Мак-Ларен, работает в газете «Ауар тайм» («Наше время»), издаваемой Союзом социалистической молодежи Австралии. У Донны застенчивая улыбка, манера заканчивать свою мысль мягким «Не так ли?». Но в разговоре с ней сразу чувствуешь, что это человек с характером, с твердыми, устоявшимися убеждениями. И еще Донна человек увлекающийся, эмоциональный, мне, собственно, и спрашивать-то ее не приходилось.

— При слове «Сибирь» на тебя в Австралии смотрят как на чудака: «Господи! И ты осмелишься поехать в Сибирь?!» Еще бы: раз Сибирь, значит — дикая тайга, рудники да копи, да страшные морозы. Представляете удивление австралийца, когда он попадает на сибирские стройки? Фантастика! Глазам собственным не веришь. Не так ли? Я, конечно, читала и знала о том, что такое ударный труд, ударные стройки, а все равно — это была встреча с чем-то совершенно новым, неизвестным у нас, в Австралии. У нас дух первопроходцев, пионеров давно выветрился. А тут, в краю, где люди поселились гораздо раньше, чем на нашем материке, сейчас, в 1976 году, мы увидели настоящих пионеров, и молодых и пожилых. Узнали людей, которым нравится начинать с нуля, на голом, диком месте. Удивительно, не так ли? Я разговаривала с одним молодым инженером. Он приехал на БАМ из Ленинграда. Ему сначала надо было завершить работу над каким-то проектом в Ленинграде в течение пяти лет. Но он так рвался в Сибирь, что, работая изо всех сил, уложился в три года... Другой молодой человек сказал: «Знаете, как это здорово! Едешь на поезде и говоришь себе: а этот вот участок я своими руками клал!» Мне кажется, я его понимаю: законная гордость за свою работу, не так ли? Причем никакой позы, все это говорится спокойно, как само собой разумеющееся. Нам встретился юноша, который даже горевал: прибыл на место назначения, а там уже готовый город, ничего не надо осваивать.

...Молодежь и старшее поколение трудятся у вас вместе, дружно. Я слишком недолго пробыла у вас, чтобы делать категоричные выводы на этот счет, но никаких признаков «конфликта поколений» я не увидела. У нас же это довольно больной вопрос, причем он создан отчасти искусственно — теми, кто заинтересован в ослаблении общественных движений. С этой же целью профсоюзы раздроблены на мужские и женские, «белые» и «цветные» (для аборигенов). По известной формуле: «Разделяй и властвуй». Не так ли?

У вас человек имеет возможность развивать свои таланты в свободное от работы время. Государство дает ему спортивный инвентарь, музыкальные инструменты, клубы — все, что надо. Пожалуйста. Заседания нашего семинара в Иркутске проходили во Дворце пионеров. Это же загляденье, что за дворец! Приходи и выбирай сам, чем тебе в нем заняться, все необходимое — к твоим услугам. Другое дело в Австралии. У нас же все покупай сам. А цены на музыкальные инструменты астрономические. Хочешь кататься на лыжах или заниматься сэрфингом (знаете, на доске по волнам), тоже выложи большие деньги... Одно к одному, и получается, что рабочему люду все эти удовольствия не по карману. Что удивительного, если дети трудящихся чувствуют себя чужими в обществе. Недавно наши газеты писали о том, что пятнадцатилетний подросток покончил с собой. Не от любви, а от отчаяния перед жизнью: в свои пятнадцать лет он решил, что дальше жить ни к чему... Самоубийства, наркомания, преступность среди подростков у нас не сокращаются, а растут... Что, я опять отвлеклась? В общем, по-моему, главное достижение Советской власти к 60-му году ее существования — это воспитание нового человека, человека оптимистического, советского характера. Не так ли?..

«ПУСТЬ КОЗЛЕНОК ПОБЕГАЕТ...»

На мой вопрос о том, с чего она начнет свой репортаж о поездке в СССР, Донна в отличие от Альберто ответить не решилась. Только улыбнулась, словно извиняясь. Скорее по инерции, чем в надежде услышать иной ответ, начал я с этого вопроса разговор с третьим собеседником — гвинейцем Абу Бангура, ответственным секретарем «Фонике», ежемесячного издания Молодежи африканской демократической революции.

Абу сверкнул улыбкой:

— Думаю, начну с описания одного праздничного вечера в Иркутске, когда я оказался в числе «звезд» программы. Мне захотелось как-то отблагодарить наших замечательных хозяев за концерт. Дай, думаю, покажу, как пляшут у нас в Африке. Оркестр был на высоте, сразу задал ритм, какой надо, и я вместе с ангольским коллегой начал танцевать. Кажется, всем понравилось, аплодировали, смеялись. Надеюсь, не посрамил чести моей родной деревни. Она славится танцами. Представь себе: ночь на берегу океана, в небе полная луна. Тишина. И вдруг кто-то начинает выстукивать ритм на выдолбленном бревне. Просто так — потому что есть океан, есть луна, и ему хорошо. Тут еще кто-то вступает в перекличку с первым ритмом. Третий, четвертый, а там — сходятся люди и принимаются петь и танцевать. Хорошо! У нас такие праздники всегда сами собой начинались, неожиданно.

Абу шумно выдохнул и тут же рассмеялся сам над собой: мол, запыхался, словно не говорил, а танцевал.

НАВСТРЕЧУ 60-летию ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

— Следующий вопрос, — скомандовал он.

Я протянул ему два блокнотных листка, испещренных его микроскопическим почерком (Абу вручил их мне перед началом разговора — заранее набросал тезисы ответов на возможные вопросы с моей стороны. Журналист Абу Бангура сам с собой провел интервью!).

— Ты пишешь здесь, Абу, что «трудовой энтузиазм советской молодежи не может оставить равнодушными даже самых скептических наблюдателей». Про кого это ты?

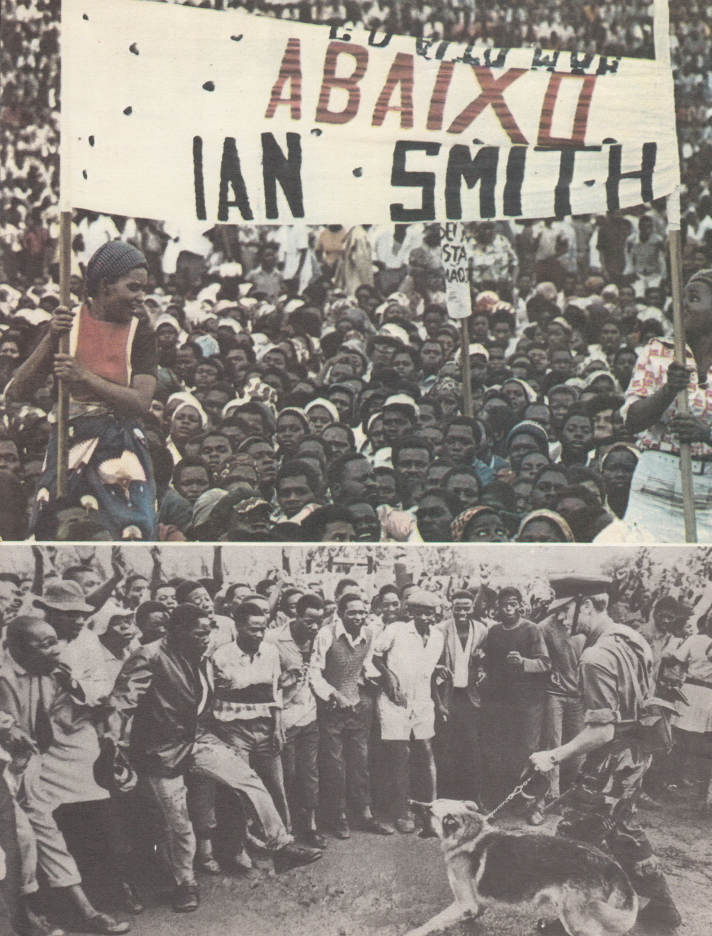
— Я отвечу так. Когда в 1958 году мы провозгласили независимость, Советский Союз первым предложил нам помощь. Нам говорили со стороны: «СССР — действительно большая, но отсталая страна. Вас, африканцев, там не любят и никогда не поймут». Вот кого я имею в виду. Тех, кто, сами не испытав разрушений от войны, «забывают», что СССР был вынужден прерывать мирное развитие и обороняться от врагов. Иначе его достижения были бы еще большими. К этим людям, без устали сочиняющим небылицы о Советском Союзе, вполне подходит наша пословица: «Пусть козленок побегает как угорелый. Устанет — сам остановится». Мы, гвинейцы, встречали многих ваших специалистов и сами знаем, с кем имеем дело; недаром советские люди пользуются у нас и любовью и уважением. Они не просто отличные работники, но и подлинные интернационалисты. Мы так и считаем: их работа — это солидарность на деле, и эта солидарность всегда отличала политику КПСС.

СЮЖЕТ ДЛЯ ФЕЛЬЕТОНА

Марселино Перейра сотрудничает — безвозмездно — в газете Союза коммунистической молодежи Португалии «Жувентуде» («Юность»). Узнав, что он в основном пишет фельетоны, я спросил, не дала ли ему поездка в СССР материала для выступления в его излюбленном жанре?

— Еще бы! Я думаю, может получиться очень едкий фельетон, если сопоставить, что мне приходилось слышать перед отъездом в Москву, с тем, что я увидел своими глазами. Нет смысла перечислять здесь нелепицы, которые распространяются на Западе о советской жизни, — от утверждения, что Сибирь — сплошные непроходимые дебри, до выдумки, будто все в СССР одеваются одинаково, так как одежда выпускается по единому образцу. Как ни жаль, надо признать, что находятся наивные люди, и их немало, верящие этому бреду. Я буду доволен, если мои публикации о поездке помогут какой-то части этих людей избавиться от их неверных представлений о Советском Союзе. Писать есть о чем, хотя срок нашего визита был очень коротким, и в ином жанре. Хочу рассказать читателям «Жувентуде» о молодых строителях БАМа, об озере Байкал и внимании, которое уделяется у вас сохранности природы, о подлинно народном характере Советской власти — об участии трудящихся в управлении страной через Советы.

Гостей интервьюировал Б. СЕНЬКИН


ABAIXO
IAN SMITH

Если посмотреть на карту, юг Африканского континента, словно подковой, охвачен странами, где у власти стоят расисты. Это Южно-Африканская Республика, Намибия, незаконно оккупированная войсками ЮАР, и Родезия. Юг Африки превратился в район опасной напряженности: справедливая борьба африканских народов за освобождение родной земли вызывает ожесточенное сопротивление расистов. Империалисты, поддерживающие режим Форстера и Смита, пускаются во все тяжкие, чтобы сохранить здесь существующее положение дел. Их попытки вести политику «умиротворения» за счет интересов африканских народов нашли отражение и на открывшейся в Женеве конституционной конференции по урегулированию положения в Родезии. Об обстановке в этой стране накануне «поразившего всех» выступления Яна Смита, согласившегося на участие в этой конференции, рассказывается в репортаже корреспондента журнала «Жен Африк» Патрика Жарро.

РОДЕЗИЯ, «ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ»?

Патрик ЖАРРО, французский журналист

„Что вы думаете о Родезии?» О чем бы путешественник ни заводил разговор с кем-нибудь из белых жителей этой страны, он не избежит этого вопроса, за банальностью которого скрывается любопытство и тревога родезийцев. Они хотят знать, что о них думает внешний мир, заранее считая себя не понятыми Западом, находящимся во власти «коммунистической пропаганды». В каждом иностранце эти родезийцы видят врага, готового подписать им смертный приговор в Лондоне, Вашингтоне, Париже или даже — верх предательства! — в Претории. Но они не отчаиваются, надеясь просветить невежду...

Директор отдела в родезийском министерстве труда Боб Мартин фактически сказал все, что они думают, приведя старый, как сама колониза-

ция, довод: «Африканцам нельзя доверять», а также его более современную версию (будто речь шла о каком-то механизме): «Африканец ненадежен».

Мы должны, однако, признать, что Бобу Мартину не был чужд и анализ. «Африканец, — уточнил он, — скорее обладает хорошей памятью, чем умом и воображением. Знаете ли вы, почему многие из тех африканцев, которые получают образование, становятся юристами? Потому что для этого достаточно хорошенько вызубрить юриспруденцию, и нередко они и в самом деле становятся очень хорошими адвокатами».

В отличие от ЮАР Родезия не имеет закона, предоставляющего лучшие должности белым. И это не случайность, а необходимость: белых слишком мало. Кроме 100 тысяч белых, индийцев и метисов, занимающих должности такой квалификации, какой они зачастую не обладают, есть 100—150 тысяч африканцев (это из шести с лишним миллионов, живущих в стране), которые получают в три-четыре раза меньше белых, выполняя такую же работу, как они. Этому пытаются дать «объективное» объяснение. «Что вы хотите? — говорит тот же Боб Мартин. — Там, где было бы достаточно одного белого, нужно поставить двух или трех африканцев».

Каким образом, несмотря на очевидную нехватку квалифицированной рабочей силы и международные экономические санкции, Родезия не только сохранила, но и сумела развить свою экономику после одностороннего провозглашения независимости 11 ноября 1965 года? Совершенно ясно, что без помощи ЮАР и других стран, которые согласились с большой для себя выгодой импортировать родезийскую сельскохозяйственную продукцию и продукцию горнодобывающей промышленности, эта бывшая английская колония, вероятно, задохнулась бы через несколько месяцев после обретения этой независимости.

Побуждаемая экономическими и стратегическими интересами еще больше, чем симпатией или политической солидарностью, ЮАР обеспечила снабжение Родезии нефтью. В свою очередь, Родезия — главный поставщик в ЮАР электроэнергии, вырабатываемой гидростанцией Кариба на реке Замбези. Правительство Претории и его главный «оппонент» в деловых кругах Гарри Оппенгеймер, представитель «Англо-Америкен корпорейшн оф Саут Африка», активно сотрудничали друг с другом, стараясь удержать на плаву родезийский ковчег. Португалия при фашистском правительстве Каэтану присоединилась к их условиям, предоставляя Родезии, к своей огромной выгоде, доступ в порты Бейра и Мапуту (бывший Лоренцо Маркес). США, Израиль, Япония, Франция, Бельгия, ФРГ покупали у Родезии медь, никель, хром, табак, а также хлопок и продукцию зарождавшейся обрабатывающей промышленности и вкладывали капиталы в этой стране.

Родезийцы считают, что они могут гордиться средним годовым доходом на душу населения — 1750 франков, но в 1975 году 278 тысяч белых, индийцев и метисов разделили между собой 605,9 миллиона долларов, в то время как 6,1 миллиона африканцев получили всего лишь 435,7 миллиона долларов. Нынешняя заработная плата белых в среднем в 10,8 раза выше заработной платы африканцев.

Экономический спад затронул эту страну гораздо позже, чем другие страны мира, но в конце концов падение мировых цен на медь, хром и никель сказалось на горнорудной промышленности — главном источнике иностранной валюты. Кроме того, закрытие мозамбикской границы вынудило импортеров и экспортеров пользоваться единственной дорогой, связывающей Родезию с ЮАР. Расширение партизанских действий власти встретили широкой мобилизацией. Заместитель министра финансов Лемпорт-Стоукс дал понять, что военные расходы значительно истощили валютные резервы страны.

Вместо того чтобы подумать о более справедливом распределении власти и богатств, правительственная партия «Родезийский фронт» предпочитает закупать оружие и платить наемникам. Расходы на социальные нужды — редкое явление и часто служат только поводом для перепалок между депутатами. Всякий раз, когда этот вопрос обсуждается в парламенте или в печати, белые в очередной раз начинают возмущаться тем, как низка, по их мнению, плата за врачебные консультации в некоторых городских и сельских больницах для африканцев.

Государство берет на себя расходы по обучению только 80 тысяч учащихся африканских начальных школ из примерно 823 тысяч и семи тысяч учащихся средних школ из 35 тысяч. Но и это дает повод обвинять различные миссии и «африканские советы», обеспечивающие в основном обучение в этих школах, в том, что они создают «рассадники партизан».

Совместное обучение — одна из главных рекомендаций комиссии, назначенной правительством с целью проведения расследования по поводу расовой дискриминации. В докладе, обсуждавшемся в июле 1976 года в парламенте, комиссия также рекомендовала депутатам отменить закон о землевладении, разделяющий Родезию на белую и африканскую зоны; объединить африканских и европейских избирателей в единый округ и принять меры, позволяющие идти вперед по пути установления равенства в заработной плате. Все это было бы замечательно, если бы не сама атмосфера, в которой происходило обсуждение доклада.

«Я всегда думал, что дискриминация сама по себе неплохое дело», — заявил в своей речи, открывая заседание парламента, «досточтимый» Мосли, депутат от Булавайо. Не обращая внимания на протестующие возгласы депутатов-африканцев, он продолжал: «В сущности, положил ей начало господь бог, и это меня всегда заставляло задуматься. Я пришел к выводу, что без дискриминации жизнь у нас была бы не такая счастливая, как теперь». Довольно безобидное предисловие, если сравнить с тем, что пришлось услышать далее во время заседаний. Сыпались грубые шутки, ораторов-африканцев прерывали, обвиняя их в том, что они «уходят от темы», когда говорят об общих выборах представителей в парламент или о том, что европейские дети должны будут сидеть в школе рядом с черными или играть в одни и те же игры с маленькими африканцами. Не говоря уж о такой поистине «щекотливой проблеме», как общественные уборные. Когда обсуждался этот вопрос, «досточтимый» Штатэфорд сделал следующее признание: «Я лично предпочитаю пользоваться уборными, которыми пользуются люди моего культурного уровня, хотя я должен признать, что не все соблюдают правила гигиены».

Ян Смит отклонил главные рекомендации комиссии. Небольшое либеральное крыло белой общины направило петицию, требуя немедленного осуществления предложенных мер, но основная масса белых разделяет чувства своих достойных представителей.

Партия Смита, правящая страной с 1962 года и цепляющаяся за расизм, выражает не столько чаяния плантаторов (их всего шесть тысяч и не все они голосуют за партию Смита), сколько служащих, государственных чиновников, торговцев, многие из которых приехали в страну в 50-х годах и достигли здесь такого уровня жизни, о каком не смели и мечтать у себя на родине.

«Белый прежде всего стремится сохранить свой рай и держать ключи от него в своих руках», — говорит директор Центра межрасовых исследований Маршалл Мэрфи, который стремится превратить этот орган в эквивалент Института расовых отношений ЮАР. Большая часть белых и в самом деле не желает быть ничем иным, как колонистами: они твердо решили воспользоваться преимуществами, приобретенными силой, и покинуть страну, если им придется уступить место африканцам.

«Родезийский фронт» установил над этой общиной, верной английским традициям, партийную диктатуру, во многом напоминающую фашизм. «Фронт» вездесущ: его люди действуют в административных органах, в полиции, промышленности, армии, спортивных клубах и женских организациях. Он контролирует радио и телевидение. Газеты, которые почти все связаны с газетными трестами ЮАР или принадлежат им, подвергаются беспощадной цензуре, хотя она и не предусмотрена законами.

Либеральные партии и поддерживающие их круги выступают с предложениями ликвидировать расовую дискриминацию, разделить власть с африканскими политическими деятелями и превратить Родезию с ее природными богатствами в центр капиталистического развития этого района Африки. Но в то же время большинство белых родезийцев, которые не уезжают из страны, откуда им разрешено вывозить только тысячу долларов, не видят никаких причин для изменения нынешней политики или образа жизни. Того, кто сомневается в победе, сразу же называют предателем. Таково было положение и таковы были позиции накануне выступления Яна Смита, которое поразило всех и подействовало на родезийцев как холодный душ. Теперь многие начали подумывать об отъезде, другие хотят попытаться жить в новых условиях. Третьи помышляют о партизанской борьбе.

КУДА ДЕЛИСЬ ВСЕ НАШИ ГЕРОИ?

Эдвард ХОУГЛЕНД,
американский писатель

Мы лезли к самому полю, толпа пригнувших головы почитателей — головы мы склонили, чтобы сидевшие в первых рядах не жаловались служителям стадиона. Служба у служителей — хранить поле в неприкосновенности, но к концу игры их обычно хватало только на робкие увещевания — «Ну не надо, а?». Мы вскарабкивались на ограду — сотни нас, мы при-

ветствовали игроков, бегущих к своему бетонированному убежищу, мы бежали вслед за ними, благоговейно взирая на их грациозную сутулость, когда они входили в низкую дверь раздевалки; мы пытались скопировать эту сутулость. Джо Ди Маджио и Снуффи Стернвейс, Чарли Келлер, Фил Риццуто — в белых одеждах, восхитительно высокие, они олицетворяли цветение жизни и то, что американцы называют радостным словом «эффективность». Они бежали устало, неуклюже, и мы бежали вслед за ними так же неловко и даже не пытались дотронуться до них, мы могли лишь выдыхать их святые имена. Как лакомство, мы обсасывали услышанные по радио сведения о них — видели-то мы их раза два-три за сезон, когда удавалось наскрести деньжонок на билеты, но радио (а для наших отцов — спортивные страницы газет) выкристаллизовывало в нашем сознании чистый облик атлетов. Мы смотрели на них снизу вверх. Еще не было этого — ни череды бесконечных перипетий ежедневного телевизионного зрелища, ни туповатых ликов в программе «Посмеемся!», чтобы сконфузить нас, ни косноязычных дебютов в программе «Мери Гриффин Шоу», чтобы разрушить высокий образ. Для нас они были Бейсболисты — «Джо-Толкач», «Самокат» и «Старина-Стропило».

Быть рядом с Ди Маджио — что могло сравниться с этим счастьем, ну, конечно, я обожал его. Но как в школе я ухаживал за девочками, которые шли вторыми в нашем мальчишечьем списке хорошеньких, так и Томми Хенрич из команды «Янки» 1948 года был моим героем. Неплохой игрок, но с весьма средними результатами; только к концу последней игры сезона он разыгрывался. Тогда его подачи можно было сравнить только с подачами самого Ди Маджио. И поскольку я догадывался, что на роду мне не написано уподобить себя этому богу, я смиренно восхищался Хенричем. И еще — до чего же волновало меня пребывание на поле, зеленом сердце колоссального стадиона. Остальные, я уверен, испытывали то же, нарочито лениво прогуливаясь по траве, такой же, как и на газонах парков, но все же другой траве — на ней великолепные мужчины творили великие дела.

Сейчас никому не разрешают выходить после игры на поле — частично, чтобы уберечь травяное покрытие, а главным образом — чтобы уберечь игроков. Сейчас мы убиваем наших героев; стоит нам полюбить кого-то, как из-за угла степенно появляется убийца, олицетворяющий отнюдь не только свою личную склонность к разрушению. Эффект, который произвело на нас убийство Кеннеди, впечатление, подтвержденное другими смертями и выстрелами, нельзя переоценить. Боясь, что что-нибудь случится с тем, кого мы обожаем, мы посматриваем на него чуть иронично, мы суеверно подпорчиваем нашу хвалу, и вот уже восхищение, как и любое чувство, которое слишком долго и упорно сдерживают, теряет свою непосредственность; сам характер восхищения изменился ныне.

В любой толпе, мчащейся по улицам больших городов, обязательно найдется тип с ножом в кармане, но вот дело — даже мы, обычные люди, не носящие, как правило, ножей, обнаружили вдруг вкус к злорадству. Мы удобненько устраиваемся в креслах и с удовольствием глядим в телевизор — а там наши политические лидеры блекнут, бледнеют, стареют, слабеют и рушатся, и мы неумолимо, безжалостно смотрим на это — даже те, для кого лица их были симпатичны. Время разрушения. Люди с развитым историческим воображением сотворили себе из шестидесятых годов нашего века собственный театр, на сцене которого разыгрываются спектакли о гражданской войне: нищета, полицейские побоища, конфронтация «стриженые — длинноволосые» и так далее. Знаете, на что это похоже? На жизнь в королевстве с королем — дураком и уродом, над которым смеется весь народ, и все же будущее смешливого народа в его руках. Америка, нация верящих, стала похожа на стоячее болото, но мы все ждем кого-то, кто взбаламутит воду и направит ее хоть в какое-то русло — веру.

Подобный климат благоприятен лишь для сатириков и черпающих силы в иронии псевдоинтеллектуалов. А ведь когда-то наша жизнь была наполнена замечательными открытиями, почтением перед электричеством и нефтью. Но вот мы обнаружили, что инженеры и правительственные эксперты по экономике подвели нас — и вера в могущество науки улетучилась. Американцы перестали верить даже во врачей — решено, что они занимаются нынче не лечением, а самообогащением через самоутверждение на наших болячках. А после вьетнамской войны испарилась слава солдат и моряков — что вполне естественно.

Объяснение очевидного — почему для нас перестали быть героями ученые, солдаты и политические лидеры — еще не объяснение того, почему же у нас нет иных героев. Можно, конечно, предположить, что для тяжелых времен сойдет фигура типа Говарда Хьюза — пикантный флибустьер, миллиардер-отшельник, не решавшийся глядеть людям в глаза; ах, нет, нет, вовсе не грязный скупец вроде старика Гетти. Но, к сожалению, антигерои как сказочные персонажи ушли в прошлое вместе с философией экзистенциализма. Эта философия мрачно и чуть презрительно смотрела в будущее; теперь, когда будущее стало настоящим, мрачный экзистенциализм выглядит чересчур весело и невинно по нашим временам.

Мы утратили великое человеческое чувство — стойкость. Взамен ностальгия все больше прельщает нас, потому что минувшее является нам в аккуратненько упакованном виде, и ничто в прошедшем нас уже не предаст.

И хотя на первый взгляд наше время выглядит просто вселенским карнавалом — развлекайся всяк как может, все танцы хороши, — звезды этого карнавала загораются и гаснут с ужасающей быстротой; калифы на пресловутые 15 минут. Метры же от искусства разочаровывают нас так же, как и звезды «легких» жанров. Вообще рукописи явно отдают плесенью — в последнее время среди седовласых художников слова модно стало указывать в завещаниях, что их работы могут быть обнародованы лишь спустя полвека после их смерти — во-первых, кому охота слушать сомнительные откровения, а во-вторых, кто поручится, что наш мир просуществует так долго? Нас не привлекают даже фигуры Альберта Швейцера и Эйнштейна: скепсис времени обставил филантропию первого, а боязнь открытий науки отвратила от второго.

У Генри Джеймса есть рассказ «Настоящее», герой которого, художник, задумал написать аристократическую пару — олицетворение истинного аристократизма. Нашел натурщиков — чету обнищавших владельцев голубой крови с потрясающе чистой родословной. И что же? Их облик был еще дальше от того духа аристократизма, который казался художнику настоящим, чем облик придорожных цыган. Эти промашки в поисках кажущегося «настоящего» знакомы любому журналисту. Вот он, к примеру, хочет разыскать и проинтервьюировать какого-либо неподдельного гения, — популяризаторы от науки всем давно уже осточертели. Благое дело. Едет на край света, преодолевает невероятные трудности, проделывает титаническую работу, крушит драконов и спасает принцесс — и что же, чаша святого Грааля оказывается пуста. То есть не пуста, конечно, искомый персонаж действительно сделал что-то потрясающее в какой-то невероятной области, но сам по себе он оказывается настолько обыденной личностью: нищ (ну, это не беда), неразговорчив (а это уже колоссальный порок), словечка забавного, за что можно было бы уцепиться в интервью, из него не выжмешь. То есть не соответствует он зазубренному облику «настоящего гения», а проще — облику того, от которого хотели убежать, — наглого популяризатора.

И все же сказанное выше вовсе не означает, что мы не нуждаемся в героях. Они драматизируют решения и помогают проложить путь в новых обстоятельствах; к тому же каждый охотно уподобляет себя им. Но штука-то вся в том, что у нас накопился такой богатый запас горечи и разочарований, что мы смеемся над любым решением. Многое сделал для нас Вьетнам — голуби так стремительно превращались в ястребов и наоборот, что отзвук этих превращений, как и отзвук политических убийств, не скоро изгладится из нашей памяти. И все же герои персонифицируют наши стремления, и, если мы лишимся героев, мы лишимся и желания стремиться к чему-то; к тому же людям не свойственно скупиться, когда надо воздать по действительно честным заслугам.

Я начинаю думать, что мы безнадежно искушены: ведь посмотрите — мы отведали всех мыслимых откровений, мы вкусили всех разочарований, утратив способность удивляться. Мы знаем больше, чем хотели бы знать по любому вопросу, и единственное, что пока еще нами не окончательно испорчено, — это болезненность личного переживания: безнадежность одиночества, трудность любви, невозможность предвидения — ни в личном, ни в национальном масштабе. Кроме того, выяснилось, что нет не только ничего постоянного, но и ничего временного.

Страшное дело, как много нового старо. Газеты «новой волны» ничем не отличаются от газет сорокалетней давности — была бы кому охота покопаться в библиотеке. Коррупция власти — слава богу, аналогий в древности хоть отбавляй. Изобретательное словосочетание «ядерная сила» привело людей к размышлениям о нелепости случайностей; а технологические казусы, «энергетический кризис», к примеру, следуют друг за другом с удручающе скучной быстротой. И все же кое-что способно поколебать наш покой — Великая Депрессия 30-х годов или нынешние политические убийства — они произвели впечатление разверзшейся тверди. Проволочное заграждение вокруг опасной области неведомого снято, и мы узнали. Но что узнали? Да ничего хорошего.

Во всем этом слышатся неотвратимые шаги каких-то перемен, но тоска по спо-

койному прошлому настолько поглотила наш энтузиазм, что его уже не хватает, чтобы выдумать героя, который обозначил бы эти перемены.

Новые настроения унификации (что не есть равноправие) полов столь же вредны для героизма, как и прочие модные теории, стирающие традиционные границы. К тому же нам не хватает терпимости — одна ошибка, и мы готовы проклясть кого угодно. А ведь люди должны любить своих героев — невзирая на их личные сомнения и ошибки. Но это трудно — потому что на героев направлен чересчур яркий свет, и утаить что-то личное героям невозможно. И все так запутано, усложнено и раздроблено, что мы окончательно растерялись. Так что, прежде чем прощать нашим героям недостатки, нам, может, следует задуматься о себе — и, пожалуй, простить себя. И если все нынешние скандалы, спады и кризисы духа все-таки разрешатся, пышное чествование, которое принято устраивать героям, нам надо устроить самим себе.

Перевела с английского Н. РУДНИЦКАЯ

ПЛАЧ ПО ГЕРОЮ

А. СЕМИН

Спорить, собственно, не о чем. Эдварду Хоуглenду, американскому писателю, виднее неурядицы, сотрясающие его дом. Другой вопрос — понятнее ли? Но это другой вопрос, и мы вернемся к нему позже... А пока...

А пока, раз уж спорить действительно не о чем — растерянность общества, утратившего своих героев, описана, с точки зрения буржуазного автора, правдиво, — остается сравнивать. Причем сравнивать имеет смысл не ради чувства вполне законного удовлетворения, а во имя чего-то более существенного, потому что, в конечном счете, всякое сравнение пусть даже не самых главных, пусть второстепенных явлений помогает глубже понять закономерности **их** и **нашего** образа жизни, нагляднее представить перспективу **их** и **нашей** социальной системы.

...Подумать только — они обнаружили, что у них нет героев! Это все равно что человек обнаружит вдруг, что у него нет тени. Кошмарный сон, такого не бывает наяву. Но от того, что такого не бывает наяву и вот — случилось, становится понастоящему страшно.

Так и здесь. Вся история человечества, вся жизнь человечества и сто, и тысячу, и тысячи лет назад согревалась сознанием своих возможностей, реализуемых поначалу одним, а затем сотнями и тысячами его последователей. И вот обнаруживается, что больше нет этого одного-единственного, и не с кого тысячам делать жизнь. Попробуйте представить себе такое! Но ведь именно такую картину нарисовал с натуры Хоуглен д.

Те из его сверстников, кто еще помнит свой доверчивый восторг перед кумиром, избранным за образец, в грусти и тревоге вопрошают себя и окружающих: куда же он подевался, этот неподражаемый, этот неповторимый, этот блистательный? Куда же он подевался и как жить без него?

А те, кому нечего вспоминать? Кто родился и вырос, так и не изведав душевного трепета перед себе подобным человеческим созданием, достигшим совершенства в... словом, достигшим в чем-то совершенства? Что испытывают они? Они не понимают грусти и тревоги первых, им смешна и противна сама мысль о кумире, потому что все предложенные им кумиры оказались либо плутами, либо ничтожествами, либо еще чем-то мелким, жалким, продажным и постыдным.

Но не будем упрощать. Все гораздо сложнее. Настроения гораздо многообразнее ностальгии одних и холодного, насмешливого скепсиса других. И не будем недооценивать — называйте как хотите — ум, смекалку, опыт, изворотливость, мастерство тех, кто работает над поддержанием духа в обществе, бездуховность которого еще далеко не всем очевидна и продление жизни которого в его настоящем виде довольно многим выгодно.

В наш век заменителей не так, увы, уж и трудно сработать суррогаты духовные, выдавая какие-то чучела, каких-то марионеток за идеал, достойный преклонения, подражания и восторга. В подтверждение — постыдный фарс, разыгранный осенью прошлого года в штате Техас с участием в качестве героя генерала в отставке Поля Тиббетса, сбросившего в свое время атомную бомбу на Хиросиму. При этом мастерам на суррогаты удалось сымитировать зловещий гриб атомного взрыва, что вызвало бурный восторг у присутствовавшей на этом «шоу» публики. Следовательно, есть кто умеет создавать таких героев, и есть кому они, как это и непостижимо, нравятся.

Хотя «шоу» с Тиббетсом, вызвавшее возмущение мировой печати, из разряда наиболее низкопробных попыток «одухотворить» национальное сознание, его «успех» свидетельствует о том, до какой степени это сознание удалось развратить. Так можно ли удивляться после этого успеху более хитроумных способов манипулирования сознанием масс в капиталистическом обществе?

Материалы этого номера журнала дадут читателю некоторое представление о том, как в обществе, дожившем до того, что у него не стало героев, герои создаются искусственно, подобно искусственной черной икре (кажется, из нефти) и искусственному каучуку (кажется, из обыкновенного воздуха).

Но из чего, из каких заменителей создаются эти искусственные герои? Кем создаются? Для кого? И зачем? Зачем?! Нелепо же действительно думать, подобно Хоуглeнду, что в сегодняшней Америке да и любой другой западной стране нет героев. Подлинных. Неподдельных. Безупречных.

Есть они! Были всегда и будут. В прошлом Соединенных Штатов Америки, например, — Сакко и Ванцетти, Джон Рид, Кейси Джонс, машинист, песни о котором вот уже полвека живут в народе. И в настоящем — Анджела Дэвис... Есть они, их не может не быть, потому что какой же народ просуществует без своих героев?

Только обратите внимание, вспомните их подвижническую судьбу: одни из них были убиты, другие подвергались преследованиям и травле, третьих бросали в тюрьмы. Ничего не скажешь, холил и холит своих героев «свободный мир»!

Впрочем, я оговорился — это не его герои. Его герои другие — те самые, что в последнее время стали лопаться подобно мыльным пузырям, вызывая паническую тревогу у своих доверчивых почитателей. Примечательно, что этот конфуз произошел с ними именно сейчас, в момент обострения кризиса породившей их системы.

Посмотрите, что происходит: на протяжении последних десятилетий капитализм с особым старанием отрабатывал, шлифовал, внедрял в повседневный обиход своих героев, при этом, естественно, скрывая свое, так сказать, отцовство. Делалось это довольно профессионально. Во всяком случае, немногим могло прийти в голову, что у ультралевого крикуна, фашиствующего экстремиста, тихого, как мышка, белого воротничка — примерного чиновника и семьянина, ощетинившегося кольтами гангстера, чмокающего под шелест телекамер розовые детские щечки политикана и т. д. и т. п. один родитель.

А между тем сейчас, в результате серии скандалов, каждый из которых претендует на звание исторического по своим масштабам, позору и грязи, родственные связи раскрылись, дурное наследство канонизированных героев стало всем очевидно.

«Куда делись все наши герои?» — спрашивает Хоуглeнд. Да никуда они не делись, их просто не было, как не было элементарной порядочности у ныне разоблаченной во взяточничестве компании «Локхид», как не было — искони, с первого дня своего существования, — уважения к законам у ЦРУ и ФБР, фарисейски обещающих ныне разгневанной общественности впредь «быть хорошими», как не были защитниками демократии и свободы американские солдаты во Вьетнаме, а были убийцами, подобно лейтенанту Колли, и душителями демократии и свободы.

Честному человеку, если он действительно искренне заблуждался, нелегко переварить такое. Это понимают, более того, и на этом — теперь уже и на этом — строят политические расчеты те, кто пытается найти выход из духовного кризиса капиталистической системы, сохранив в целости и сохранности саму систему.

В канун президентских выборов в США состоялась серия дискуссий претендентов на высшие государственные посты. Вот выдержки из одной такой дискуссии между кандидатами в вице-президенты — республиканцем Доулом и демократом, ныне вице-президентом США Мондейлом.

Мондейл: «Многое приводит в уныние американский народ, многое вызывает разочарование и отчаяние. Нам пришлось пережить самую страшную войну в истории Америки. Она вызвала в стране, быть может, больший раскол, чем когда бы то ни было. А затем мы пережили самый страшный политический скандал за всю историю Америки, причем лица, занимавшие самые высокие посты, оказались виновными в совершении самых серьезных

преступлении или, по крайней мере, им было предъявлено такое обвинение. А потом мы явились свидетелями того, что наши разведывательные ведомства и судебные органы, которым поручено следить за соблюдением закона, сами нарушили его».

Доул: «Мне кажется, что многие американцы просто утратили ко всему интерес, они утратили ко всему интерес из-за войны в Юго-Восточной Азии. Они утратили интерес из-за Уотергейта. Я даже поставлю это на первое место — они утратили интерес из-за Уотергейта. Они с надеждой смотрели в будущее, но, верно, утратили ее из-за того, что увидели в американской палате представителей, из-за многих вещей, которые увидели в области политики. И я думаю, что они утратили интерес также из-за бесконечных обещаний».

Такая откровенность может показаться либо странной, либо многообещающей. Еще бы! Если люди, претендующие на второй по значению пост в стране, столь откровенно говорят о пороках, разъедающих американское общество, значит, они... Увы, это ровным счетом ничего не значит, хотя и может показаться, что они хотят, могут и знают, как покончить с этими пороками.

Но в том-то и дело, что их откровенность вынужденная, точнее, рассчитанная на то, что кому-то «может показаться», у кого-то может возникнуть иллюзия: с этими парнями, мол, многое исправится. Такая иллюзия может возникнуть, если не брать в расчет, что названные пороки и без того хорошо известны каждому американцу. Их признали во всеуслышание с телеэкрана, и только. Но разве впервые?

«Сегодня нам угрожает опасность потерять душу Америки... Американский народ, и особенно молодое поколение, не может гордиться правительственной системой — или участвовать в ней, если она осквернена и обесчещена, будь то в Белом доме или в коридорах конгресса». Эти слова тоже произнесены во всеуслышание летом прошлого года в штате Вирджиния тогдашним президентом США Дж. Фордом.

Так что же дальше? Республиканское правительство Форда предлагало не оглядываться назад, все забыть. И Вьетнам. И Уотергейт. Что-то теперь предложат демократы? А тем временем полным ходом продолжает работать пропагандистская машина, штампуя героев на все случаи жизни и на все вкусы.

Как часто удивляемся мы нелепости всевозможных рекордов, рекламируемых всеми возможными средствами, какими располагает буржуазная пропаганда. Кто-то простоял на одной ноге дольше всех в мире. Кто-то выпил за один присест больше всех в мире пива. Кто-то протанцевал сутки и побил чей-то мировой рекорд. Кто-то... Рекорды — чемпионы — герои. Увлекательные репортажи в газетах, кутерьма на телеэкранах... Безобидное дурачество? Это как посмотреть. А если посмотреть с точки зрения эксплуатации прекрасного человеческого качества — извечного стремления достигнуть и превзойти пределы возможного? Эксплуатации в том смысле, что его умышленно превращают в бессмысленную, идиотскую погоню за сенсацией?

В этом номере в числе других вы прочтете историю популярного певца, чья популярность подогрета выдумкой о том, что он — убийца. Чепуха какая-то! Ну как здравомыслящий человек станет не только распространять о себе подобный вздор, но и бороться ожесточенно, насмерть с теми, кто попытается его разоблачить. А что делать, если иначе — прощай популярность, полные сборы, карьера?

Это, так сказать, пример из опыта кустаря-одиночки, играющего по правилам, отработанным куда более могущественными силами капиталистической системы. Но вот другой пример — из опыта мощного японского концерна «Мацусита дэнки». Его приводит в своей статье корреспондент Московского радио в Японии Вл. Цветов. Здесь отработан, «внедрен в производство» и функционирует «тихий» герой — своеобразный чеховский Фирс капиталистической системы, верный ей и довольный ею. А рядом с ним... итальянские «бунтари» против этой системы, которых подкармливает и лелеет... эта же система! Потому что такие «бунтари» ей не опасны, более того, — полезны в противоборстве с подлинно революционными силами. В этой же галерее героев — глава религиозной секты, протянувшей свои щупальца по всему капиталистическому миру от Южной Кореи до США, — антикоммунист Мун, уродливое создание американского ЦРУ, южнокорейского диктатора Пак Чжон Хи и целой группы финансовых воротил. Это герой, предназначенный специально для молодежи, для тех, кого отчаяние загнало в угол. И наконец, это рассказ о посмертной трагедии поэтессы Сильвии Плат. Посмертной потому, что при жизни она была непримиримым врагом лжи и фальши буржуазного общества и одновременно его жертвой. А после смерти, после смерти ее провозгласили героиней. Может ли профанация быть изощреннее и подлее?

Невозможно, да и нет в том нужды, рассказать о всех моделях героев, предлагаемых капиталистической системой для оглупления, одурманивания масс с помощью таких эффективных средств, как печать, радио, телевидение. Но подобно тому как в фантастических романах роботы выходят из-под контроля своих создателей, так и огромные материально-технические возможности лепить героев на все вкусы, на все требования моды, на все потребности системы создали ситуацию, когда наспех слепленные герои уже не успевают срабатывать, сталкиваемые с конвейера все новыми и новыми стереотипными образцами. А в итоге, как пишет Хоугленд, «...тоска по спокойному прошлому настолько поглотила наш энтузиазм, что его уже не хватает, чтобы выдумать героя, который бы обозначил эти перемены».

Эта тоска по «спокойному прошлому» начинает все более проявляться в симптомах прямо-таки зловещих. Как писал западногерманский журнал «Шпигель», характеризуя морально-политическую атмосферу в США, «после богатых реформами 60-х годов вновь набирают силу архиреакционные организации. Их девиз — «Назад к отцам», их метод — дубинка».

Сдвиг вправо, отмечает журнал, особенно заметен в таких областях, как выступления против внесения в конституцию положения о равноправии женщин, требования консервативно настроенных родителей покончить с «либеральными выкрутасами» в школьном преподавании. Но что «самое удивительное, — продолжает журнал, — это новый подъем деятельности «Общества Джона Бэрча», которое, как считали, умерло с прекращением «холодной войны». По данным самого этого общества, оно насчитывает сейчас «от 60 до 100 тысяч членов», а его бюджет составляет круглым счетом 8 миллионов долларов. Радиопрограмма общества передается 115 радиостанциями США. 140 газет раз в неделю печатают «Журнал Бэрча», своего рода дневник общества; ежемесячный бюллетень «Общества Джона Бэрча» имеет 150 тысяч подписчиков. В прошлом году общество впервые организовало собственный молодежный лагерь для пропаганды среди молодежи своих идей. На 1979 год намечено открытие университета имени Джона Бэрча. «Мы воодушевлены, — заявил представитель общества. — Мы ожидаем, что число членов общества в ближайшее время резко увеличится. Но прежде всего нас радует то, что мы обрели авторитет у общественности». Такие вот дела...

На множество причин утраты героев указывает в своей статье Хоугленд. Это и опасение в открытую восхищаться своим героем, ибо «стоит нам полюбить кого-то, как из-за угла степенно появляется убийца, олицетворяющий отнюдь не только свою личную склонность к разрушению» — трагедия братьев Кеннеди у многих в памяти. Это и отсутствие подлинно новых идей и идеалов, в то время как все то, что выдается за новое, — старо как мир. Это и нетерпимость к возможным ошибкам претендентов на роль кумиров. И т. д. и т. п.

Что ж, все эти причины, возможно, и имеют место. Но разве только эти? Разве не более существенными причинами кризиса героя являются скандалы и разоблачения последних лет, безработица и инфляция, сотрясающие капиталистический мир, о которых Хоугленд упоминает лишь вскользь?

Выступая в канун 200-летия США на молодежном митинге в Нью-Йорке, Генеральный секретарь коммунистической партии этой страны Гэс Холл говорил: «Сегодня миллионы спрашивают: «В чем состоит 200-летнее наследство, оставленное молодому поколению?» Среди тех, кто получает это «американское наследство»:

— миллионы молодых людей, которые никогда еще не получали ни заработной платы, ни пособий по безработице, ни дивидендов;

— миллионы молодых людей, которые... слишком бедны, чтобы попасть в колледж и получить диплом, но которым не дают заработать на жизнь, потому что у них нет диплома;

— миллионы молодых людей, шансы которых получить работу зависят от раннего ухода на пенсию или смерти рабочих более зрелого возраста.

В 200-летнюю годовщину эти миллионы молодых людей, наследников так называемой «американской мечты», спрашивают: «Что мы должны праздновать?» Почему должна страна чтить прошлое, когда все большему числу наших молодых людей становится ясно, что у них нет будущего, когда миллионы обнаруживают, что они смотрят на празднества со стороны, и их обуревают неуверенность и сомнения относительно завтрашнего дня?

У нашей молодежи есть право — как моральное, так и гарантированное конституцией, человеческое право — спросить в эту двухсотую годовщину: «Что же, черт возьми, происходит? Неужели мы «лишнее поколение», которое можно выбросить с черного хода, прежде чем мы сможем найти себе место у парадного входа в жизнь?» Наша молодежь вправе спросить, и общество обязано ответить на этот вопрос».

Кстати, заодно это будет ответом и на вопрос, поставленный Хоуглендом, — куда делись все их герои?

ЯВКА НА ПЛОЩАДИ САН БАБИЛА

И. ГОРЕЛОВ

29 марта 1968 года пятикомнатная квартира на первом этаже в доме № 13 по проспекту Монфорте в Милане была сдана внаем некоему синьору Анджело Руджеро, представившемуся в качестве руководителя молодежного кружка. В контракте о сдаче внаем (1 миллион 300 тысяч лир в месяц!) были оговорены определенные условия: запрещалось наклеивать на наружных стенах надписи, вывески, значки и гербы, как, впрочем, и вывешивать какие-либо знамена или символы; запрещалось устраивать собрания числом более 15 человек; запрещалось нарушать спокойствие соседей. Как говорят сейчас некоторые, если бы эти пункты были выполнены, история Италии последних лет, возможно, оказалась бы иной. Квартиру на проспекте Монфорте заняли молодцы из «Молодой Италии» — студенческого филиала партии неофашистов «Новое социальное движение»; именно из этого логова направлялись банды на ежевечерние операции на площади Сан Бабила. Площадь эта — истинный центр Милана. Она нечто вроде гостиной города — место променада «лучших людей», витрина его лучших магазинов, длинная стойка его лучших баров и кафе.

Молодые люди из квартиры № 13 довольно скоро стали завсегдатаями этих кафе и баров. Здесь они попивали свой аперитив — чаще всего кока-колу, «подправ-

ленную» ромом, фруктовые соки и — в большом количестве — молоко. Проходил час аперитива, они исчезали и появлялись лишь к шести вечера.

Впервые в хронике беспорядков, или, как точно говорят итальянцы, в хронике насилий, площадь Сан Бабила появилась 17 марта 1969 года. После собрания в кинотеатре «Амбашатори» фашисты пришли именно сюда для того, чтобы провести митинг.

Митинговали недолго: «командосы» неофашистов вскоре разбежались, чтобы дубинками и ломами разгромить витрины магазинов прогрессивных издательств. С этого дня молодые фашисты с площади Сан Бабила не скрывали своих намерений; с этого дня и пункты, что были оговорены при сдаче квартиры № 13, приказали долго жить: квартира становится официальной штаб-квартирой, о чем предупреждают прохожих герб и флаги с трехцветным факелом; на фасаде дома появляются первые надписи во славу дуче и фашистского режима.

Логово живет напряженной жизнью: в 1969 году полиция зарегистрировала 35 «санбабильских» происшествий. И все сходило гладко, хотя штурмовики Сан Бабилы поначалу вели себя «скромно»: нападали на какого-нибудь прохожего парня или девушку всего вчетвером. Жертва, бывало, бросалась к рядом стоявшему полицейскому. «Виноват, — холодно отвечал служивый, — но разве вы не видите, что я занят штрафом!»

В 1970 году — 73 нападения. В 1971 году — 102 «хулиганских выступления». В 1972 году их уже не считали. Ежевечерне на площади находилось в среднем около двухсот «идеологических» бандитов — согласитесь, впечатляющее зрелище для одной, хотя и довольно просторной площади.

Считается, что к 1972 году на Сан Бабилу пришло уже второе поколение молодых неофашистов. Тогда и определилась их «униформа»: «классные, фирменные» джинсы, желтые английские туфли, черные перчатки, почти гладкий черный платок на шее, куртки в талию лучших моделей, широкие пояса и сумки фирмы «Гуччи». Да, еще зажигалка «картье» и золотые часы «ролекс». Такая была у фашистов мода, и, увидев такого человека на Сан Бабиле, вы не могли оскорбить его словом «фашист», а могли лишь добавить про себя, что это фашист из богатой семьи. Ведь там немало было и другой шатии — тоже фашистской, но одетой по иному образцу: туфли под английские, джинсы обыкновенные, из магазина, очки — фальшивый «рейбэн»... Эти молодые люди «под фашиста» были подручными фашистов, их наемниками. Подручных набирали на окраинах Милана, в районах, которые принято называть рабочими кварталами, в среде тех, кого принято называть люмпенами, то есть или потерявших — от долгой безработицы ли, или по иным причинам — рабочее сознание, или так его и не обретших. Этим «сбившимся с дороги», «свихнувшимся» платили по 20 тысяч лир (по тем временам это около 25—30 рублей) за «операцию». Отношение между первой группой, с логовом на проспекте Монфорте, и второй, ее место сбора и ежевечернего топтания в ожидании «дела» определили в подземном переходе станции метро «Сан Бабила», были однозначны и строги — отношения между хозяином и рабом. Их, рабов, зачастую набирали по объявлениям в газетах: «Требуются решительные и исполнительные молодые люди»; далее номер телефона...

Денег фашистам хватало: партия Альмиранте (лидера «Итальянского социального движения — Национальные правые») получила в Ломбардии (столица этой области — Милан) в качестве пожертвований от промышленников: в 1971 году — 2 миллиарда лир, в 1972 году — 2,5 миллиарда, в 1973 году — 3 миллиарда лир, в 1974 году — более 4 миллиардов лир.

Чем же занимались все эти наемники и их наниматели? Во-первых, поддержанием террора на центральной площади гигантского города: избивали любого и по любой причине — за то, что с бородой (подозрение в принадлежности к левым интеллектуалам), за красный шарф или галстук, за левую газету, торчавшую из кармана, за эскимо в руке...

Зачем все это? Затем же, зачем пытались взорвать поезд Турин — Рим, зачем убили агента полиции Антони Мирино, зачем нападали на районные комитеты компартии, партизан-ветеранов, социалистов, на демонстрации профсоюзов и студентов...

«В январе семидесятого,— «раскалывался» в полиции один из неофашистов, — нас срочно вызвал на Монфорте Джанлуиджи Радиче (один из руководителей «Молодой Италии». — *Прим. авт.*). Вечером должна была состояться манифестация левых. Он дал нам петарды и бомбы с газом и велел забраться на верхний этаж дома на углу улицы, где они должны были пройти. Когда колонна появилась, мы пошвыряли наш запас. Что там творилось между полицейскими и демонстрантами!.. Цель была достигнута...»

Какая цель? Хаос, критическое напряжение нервов у тех, кто стоит в полицейском ряду, сжимая в кулаке оружие, и тех, кто стоит в ряду демонстрантов, сжимая в кулаке древко плаката. Мы к этой цели еще, впрочем, вернемся.

Среди громких дел, которыми пестрит хроника политической жизни Италии последнего десятилетия, — не только многочисленные убийства судейских чинов. Здесь и взрывы в поездах, в банках, на выставках, в комитетах различных партий и организаций, на людных площадях, кровавые столкновения с демонстрантами, похищения людей с целью выкупа или шантажа, и прочее и прочее. Направление ударов всегда просматривается прозрачно: если единичная жертва, то облеченная серьезной государственной властью или широкоизвестная; если это жертвы «безымянные», то тогда непременно многочисленные и, очевидно, ни в чем не повинные. Цель — все тот же эффект жестокости и масштабности замаха — на всех, на государство, общество. А исполнители этого террора на первый взгляд разные. Мы еще сможем убедиться: их природа и психология таковы, что они не терпят собственной безвестности и торопятся расписаться под пролитой кровью сами. И получается такой список (хотя перечень неполон, я даже не представляю, возможно ли припомнить все эти организации): от правых, неофашистских организаций — «Новый порядок», «Национальный авангард», «Отряды действия Муссолини», «Роза ветров»... до ультралевых — «Красные бригады», «Пролетарские вооруженные группы», «Борьба продолжается», «Власть рабочих», «Рабочий авангард»...

И все же еще раз о целях этих двух, полярных на словах, политических группировок — ультраправых и ультралевых. Листок, выражавший позиции неофашистов с площади Сан Бабила, писал:

«Сейчас занимается хворост костра, разожженного нами. Он скоро загорится полным пламенем и все обратит в пепел. И только тогда, из пепла, при свете первых лучей солнца возродится наша новая жизнь: вечная, нерушимая, абсолютная власть восставшего Феникса». Проще говоря, жги, убивай, а там — образуется.

9 июня 1976 года на заседании происходящего в Генуе процесса по делу членов «Красных бригад» один из обвиняемых, некий Просперо Галлинари, сделал заявление: «Вчера 8 июня вооруженное подразделение «Красных бригад» привело в исполнение приговор над государственным палачом (речь идет о генеральном прокуроре Генуи. — *Прим. авт.*) Франческо Коко... Этой акцией мы открываем новую фазу классовой борьбы, направленной на парализацию государственного аппарата путем устранения лиц, которые его олицетворяют. Только разрушив его до основания, мы сможем считать свою задачу выполненной...»

Дело, разумеется, не в словах и «программных заявлениях». Дело лучше всего видится в деле. Так вот, любопытно тут привести некоторые факты из практики ультралевых.

С иголочки новая ультралевая организация «Рабочая автономия» (идея в ней заложена такая: не надо нам, рабочим — бум, бум кулаком в грудь! — никакой централизованной, погрязшей в рутине и формализме партии, а нужны партизанские, автономные налеты на местах — тогда, дескать, государственная система никак не выдержит), так вот, «Рабочая автономия» поступает следующим образом: идет демонстрация левых — профсоюзы, коммунисты, социалисты, другие... Впереди — коммунисты, это и по плакатам видно. Неожиданно из колонны выскакивает группа людей и начинает бить и потрошить богатые магазины. Эффект двойной: назавтра буржуазные газеты компрометируют «коммунистическую демонстрацию» — первое; уже сегодня «Рабочая автономия» еще раз заявляет о своей «классовой борьбе» — второе. Эффект даже тройной: кое-что из магазинов все-таки вынесли.

Другой пример — пример чистой провокации. Газета коммунистов «Унита» каждый год устраивает фестивали — один национальный и около восьми тысяч (!) местных. В прошлом году каждый третий итальянец прошел под аркой, на которой было написано — «Фестиваль «Унита». Фестиваль — это знакомство с позицией партии, это встреча с братскими «Унита» газетами других компартий мира, это богатейшая культурная программа, это отдых, развлечение и бурные дискуссии... Но не об этом речь. Речь о том, что фестивали «Унита» — это то место, куда все идут с удовольствием: там интересно, поучительно, весело, хорошо и — мирно. На это, впрочем, обратили внимание не только внимательные журналисты, рекомендовавшие властям перенять опыт образцовой организации подобного рода предприятий, но и ультра — и правые, и левые. Провокационные столкновения в июне в Равенне, две взорванные бомбы в Римини, убийство шестью молодчиками активного организатора фестиваля Пьерантонио Кастельнуово в Лекко... — все это новейшая, 1976 года «ультрахроника» провокаций.

Все, что говорилось здесь, несомненно, не новость. Социальная и политическая жизнь Италии последнего десятилетия необыкновенно напряженна, и те факты, что приведены здесь или встречались вам ранее, лишь укрупняют, удостоверяют эту истину. Итальянская компартия на последних выборах в парламент добилась большого успеха, правые понесли значительный урон. Не только легко читаемая логика будущего, но и свершившиеся уже факты подтверждают, что такой политический сдвиг влево означает еще более упорную оборону справа, еще более изощренные контратаки со всех направлений — в том числе с крайне правого фланга, в том числе с крайне левого фланга. В обоих случаях реакционной оппозиции есть на кого положиться. Расчет идет не только на «слои», «группы», «класс»; расчет идет и индивидуальный. Представьте, какой нужно обладать душой — не абстрактной, а своей, так собою же ценимой, — чтобы, к примеру, участвовать в такой вот забастовке...

Объявлена забастовка в центральных больницах Неаполя (объявлена вопреки решению объединенного профсоюза медра-

ботников меньшинством, представляющим ту самую крайне левую «Рабочую автономию». Так уж получилось, что именно в самых крупных клиниках города эта раскольническая группа имела поддержку младшего персонала — санитаров и сестер). Потребовав немедленного увеличения зарплаты, персонал прекратил все работы по уборке и стирке, сократил до одного раза питание больных, разобрал свободные койки, чтобы прекратить поступление новых больных, начал чинить препятствия по лечению больных и даже проведению операций. Городские власти вынуждены были заменить обслуживающий персонал солдатами. Тогда и последовало триумфальное заявление забастовщиков, бывшее их главной целью: «Еще раз доказано, что государственный аппарат, полиция, армия, христианские демократы и коммунисты действуют в заговоре против пролетариата». Все они, мол, в одной лодке...

И тут, мне кажется, есть одно чрезвычайно важное обстоятельство, по возможности выяснить которое совершенно необходимо: каждого из них, каждого из этих молодых фашистов и леваков, молодых борцов против всех и всего — что каждого из них поддерживает, подогревает и даже вперед толкает?

«Я слышал еще в детстве, что после смерти человек превращается в звезду. Я уверен, что хотя бы часть тех людей, что мы убили сегодня в аэропорту, превратилась уже в звезды. И мои погибшие товарищи стали уже звездами в созвездии Ориона. И я скоро превращусь в звезду, и чем больше появится на небе звезд, тем скорее придет революция...» — так витиевато, улыбаясь извиняющейся восточной улыбкой, говорил Коцо Окамото, член японской ультралевой террористической организации «Ренко Секигун» («Красная армия»), после провокационного, сопровождавшегося большим количеством жертв нападения на гражданский аэропорт.

«Мы — элита, раса героев. Героичен сам стиль нашей жизни и тот огонь, что пылает в наших душах. Мы воспеваем цельную натуру, человека-повстанца, человека-покорителя. Мы воспеваем опасность, приключение, отвагу, героизм и презрение к тем, кто трусливо, по-рабски боится войны!» Под этой тарабарщиной вполне могла бы стоять подпись рейхсминистра Геббельса, но авторы ее — наши современники, все те же молодые фашисты с миланской площади Сан Бабила.

Полнейшее безразличие к результатам своих действий, презрительное равнодушие к жертвам, абсолютное отсутствие сострадания к невинно погибшим одинаково обличают и леваков и ультраправых. На словах правые и леваки — зачастую непримиримые враги; молодых начинающих фашистов нередко натаскивают именно на уличных стычках с леваками (и наоборот). Стоит, однако, взглянуть на путь, который прошли многие «видные» фашисты или леваки, как сразу становятся очевидными и их «родственные связи». Так, Джанфранко Бертоли, объявивший себя после ареста (взрыв бомбы в Милане, повлекший человеческие жертвы) ультралевым, шел к своим «убеждениям» такой дорогой: тюрьма за уголовное преступление, распространитель листовок одной из антикоммунистических групп, связи с правыми организациями, «крещение» в анархисты, переезд под фальшивым именем в одну из израильских «кибуц», увлечение — по его словам — библией, Марксом, Гегелем и Нестором Махно, короткая поездка в Марсель (где еще действуют экстремисты-оасовцы) и, наконец, преступление в Милане...

Современный Запад переживает тяжелое время реализма. Нет завораживающих дух перспектив, развеян ветром кризиса угар вседоступности — образования, работы, благосостояния, перехода в иную социальную группу. И если людей, прочно стоящих на земле, людей, обладающих развитым взглядом на мир, эта новая, тяжелая ситуация еще тверже укрепляет в своей вере, заставляет еще решительнее, настойчивее и терпеливее сражаться за свои убеждения, то тех, кто неустойчив — а исторический опыт гласит, что это прежде всего средний класс, мелкая буржуазия и тем более деклассированные элементы, — их кризис вышибает из колеи. Если раньше бог был ясно различим в сиявших ликах его апостолов — апостола личного успеха, апостола материального счастья и апостола материальных удовольствий, то теперь эти лики затуманились и явственно насупились. Если раньше героев не то что хватало, они толпой окружали нашего буржуа — хочешь выбирай улыбчивого красавца киногероя, хочешь — удачливого и решительного предпринимателя, хочешь — обворожительного повесу плейбоя, то теперь их ряды сильно поредели.

Известный французский социолог Эдгар Морен, занимающийся вопросами массовой культуры, считает, что для современного западного общества потребления культ идолов, героев чрезвычайно характерен, и, если это общество в силу каких-то причин теряет одних героев, оно для поддержания собственного равновесия тут же выталкивает на сцену новых. Причем герой этот при любой ситуации должен обладать одним непременным свойством — он должен быть доступен. Человек, для которого этот герой явился из небытия, хоть и признает за ним определенную недосягаемость и даже «божественность», должен иметь возможность хоть в чем-то повторить его.

Возможен ли для среднего буржуа, еще вчера пребывавшего в эйфории скорого — вот-вот настанет! — личного успеха и счастья, герой типа Робинзона Крузо? Да никогда, поскольку овладение искусством простого делания его не увлекает, поскольку оно требует терпения, твердой веры в свои силы и — так как живем мы не на острове — веры в силу товарищей по классу. Тем более невозможен такой созидающий герой в сфере культуры и идеологии. Наоборот, сама неустойчивость средней буржуазии как класса всегда выдвигала на авансцену героя скорых, решительных действий, и главное — действий эгоистических, антигуманных, разрушительных. Крикливые, швыряющие бомбы «герои» газетной хроники постоянно утверждают идею изначального неравенства людей, права одних на строительство собственного счастья на развалинах счастья других, принципа насилия как единственно возможных отношений в обществе, а потому и справедливых. Ореол возвышенности, мощи, красоты и героизма, который создается вокруг ультралевых и ультраправых провокаторов и погромщиков, объективно зовет и других к такому же «самоутверждению через жестокость», вырабатывая у них привычку к «моральной нечувствительности». (Нацистская пропаганда не случайно вдалбливала в головы идею о том, что народы других рас неполноценны и не могут чувствовать так же, как «арийцы».)

В конце концов возмущение всего многомиллионного Милана террористической деятельностью фашистских молодчиков с площади Сан Бабила стало настолько велико, что полиция «героическими» усилиями ликвидировала этот постоянный бивак фашистов. Было ликвидировано и фашистское гнездо на проспекте Монфорте. Но фашисты не исчезли вовсе: они перебазировались на другие проспекты и площади, и прежде всего на площадь Кавура, где 16 апреля 1975 года был убит выстрелом из пистолета студент Клаудио Варалли. Убийца — Антонио Браджон, 20 лет, сын весьма обеспеченных родителей, фашист. Когда первые «санбабилисты» еще только начали появляться на страницах газетной хроники, ему было тринадцать. За семь лет ему сумели вдолбить в голову, каков должен быть герой-фашист, смогли воспитать ненависть и страсть к насилию...

У одного из представителей этого третьего поколения «санбабилистов» спросили, почему он, собственно, придерживается крайне правых взглядов. 18-летний фашист был откровенен: «Мой отец — промышленник и воспитал меня в правых взглядах. Да я и сам не вижу причин менять их. Почему я, собственно, должен с кем-то делиться тем, что у меня есть? Принцип равенства никогда не казался мне убедительным. Я индивидуалист и эгоист, потому что вокруг себя вижу только злобу, зависть и обман. Я правый потому, что это в моих интересах...»

Что касается убежденных, принципиальных приверженцев героя-левака, то чаще всего это бывшие, не получившие диплома студенты, отравленные анархистскими идеями. Такие левацкие организации, как «Красные бригады», на первом этапе существования, как правило, гордились строгой и продуманной организацией, защищенной, по их мнению, от проникновения провокаторов. Однако сама логика их существования, идея, заложенная в его основу,— бредовая идея сработать катализатором, запальным шнуром скорого и повсеместного восстания всех против всего — толкала их на путь привлечения всех «желающих». Среди желающих оказывались и полицейские агенты, и ультраправые провокаторы, и информаторы. Однако основную подручную силу леваки черпают из того же котла, что и фашисты, — из асоциальных элементов, люмпенов, как говорят итальянцы, «подпролетариата». Вот как характеризует эту «черную кость» экстремистов обозреватель газеты «Паэзе сера» Дачиа Мараини: «Эти люди, лишенные социального статута... становятся самыми горячими поклонниками мифов, рожденных буржуазией для оправдания в своих же глазах собственной несправедливости и жестокости».

Переплетаясь и сталкиваясь друг с другом, дополняя и продолжая друг друга, злобно понося и нахваливая друг друга (упоминавшийся уже здесь «левак» Дж. Бертоли об убийстве фашистами агента полиции Марино: «Эти ребята действуют против общества; они делают то же дело, что и я»), леваки и фашисты послушно исполняют роль, навязанную им могущественными силами — промышленниками, такими разведками, как ЦРУ и СИД, многонациональными корпорациями, отечественной и международной политической реакцией. Пропагандой и посулами, подстрекательством и растлением, деньгами и химерами эти невидимые, но такие реальные силы обращают все новых молодых людей в бесноватых поклонников нового «бога», нового «героя» — «ультра». В этом они видят один из способов борьбы с растущим стремлением широких масс к демократизации, к обновлению общества.

А что же видят перед собой сами новоиспеченные ультралевые и ультраправые радикалы? Они видят перед собой «героя». Стань сильным и беспощадным, как я! — говорит им «герой». Возвысься над толпой, как возвысился я! — говорит им «герой». Будь личностью! — говорит им «герой»... И они бегут за ним безумным стадом, ревя и размахивая цепями и бомбами. Бегут, топча других и друг друга.

КООРДИНАТЫ ДЛЯ ЯМАКАВЫ

Владимир ЦВЕТОВ, соб. корр. Центрального телевидения и Всесоюзного радио в Японии — для «Ровесника»

— Что это?

Я поднял книгу над головой, чтобы увидела аудитория.

— Это — книга, — произнес я, четко выговаривая звуки. — А теперь скажем все вместе: «Это — книга».

Двенадцать учеников хором повторили фразу. Шел урок в кружке русского языка при Обществе слушателей Московского радио, где я выполнял роль добровольного учителя.

— Попрошу вас, — я обратился к сидевшей ближе всех девушке, — сказать: «Это — книга».

Девушка конфузливо молчала, хотя в общем хоре она правильно произнесла слова.

— Может быть, вы скажете? — спросил я ее соседа.

Никто из учеников не захотел говорить в одиночку, но каждый из них с готовностью участвовал в коллективной декламации. Даже здесь дает о себе знать складывавшаяся веками привычка действовать сообща, не выделяться, оставаться, как все, привычка, дающая японцу ощущение уверенности в своих силах, пусть и за счет утраты чувства самостоятельности.

В книге «Рождение японского сверхгосударства: вызов и ответ» американский политолог Герман Кан писал: «Японцу свойственно думать о себе как о члене какой-то группы, получать удовлетворение от группового достижения групповых целей. В японских традициях, и, как ни парадоксально, вплоть до наших дней, одним из худших грехов считается всякая попытка игнорировать или отвергать групповые мнения, решения, запреты, нормы поведения — или вообще проявлять какой-то индивидуализм».

...На телевизионном экране — самураи княжества Сага. Лица их предельно одухотворены и невероятно мужественны — гримеры поработали на славу. Средневековые кимоно на актерах и интерьер, в котором они сняты, умело перенесены с гравюр старых мастеров. Самураи тщательно моются, надевают чистое белье — они готовятся к смерти. Нет, враг не стоит у ворот замка, и самураев не ожидает жестокая схватка. Этот ритуал они выполняют каждое утро. Сцена иллюстрирует кодекс самурайской чести «Бусидо» — «Путь воина». Один из постулатов кодекса гласит: «Носи постоянно в сердце мысль о смерти. Тогда легче выполнить долг преданности и сыновней почтительности по отношению к сюзерену, преодолеть зло в себе, осилить бедствия и несчастья, быть добродетельным».

Телевизионная драма бесконечна и однообразна, и удивляешься долготерпению актеров, играющих в ней изо дня в день в течение многих месяцев подряд. Сегодняшняя порция самурайских доблестей наконец заканчивается, и по телеэкрану ползут названия фирм, финансировавших постановку. Это крупнейший в Японии электротехнический концерн «Мацусита дэнки», страховая компания и крупный банк.

Авторы многосерийной теледрамы заимствовали сюжет не непосредственно из книги Дайдодзи Юдзан, жившего в начале XVIII века пропагандиста «Бусидо», одержимого, как все монахи-кликуши. Вначале мысли монаха перекочевали в правила поведения для рабочих и служащих, принятые к неуклонному выполнению на заводах концерна «Мацусита дэнки», и уж потом — не без помощи концерна — вдохновили сценаристов и режиссеров телекомпании...

Освещая работу советской промышленной выставки, я задержался в городе, где она проводилась, и заночевал в небольшом отеле, отведенном советским специалистам и японским гидам. Гидами были студенты. Труд на выставке давал им побочный заработок — без него большинству японских студентов не обойтись: стипендий они, как правило, не получают, а за учение в университете надо платить. Я заглянул в номер, который занимали гиды.

Облачившись в ночные кимоно, трое студентов лежали на золотисто-желтых циновках. Четвертый, сидя на корточках, что-то нараспев говорил наизусть. Один из студентов следил по толстой книге и поправлял, когда товарищ ошибался.

— Готовитесь к самодеятельному концерту? — спросил я.

Студенты подняли удивленные лица, а тот, что держал книгу, захлопнул ее и протянул мне. «Кант, «Критика чистого разума», — прочел я на обложке.

Студенты учились на философском факультете и готовились к семинару.

Сидевший на корточках студент, прикрыв веки, продолжил заунывно и негромко, как молитву:

— В метафизической дедукции априорное происхождение категорий вообще было доказано их полным сходством...

— Не сходством, а совпадением, — прервал студент с книгой в руках.

— Да, да, верно, — декламировавший Канта студент открыл глаза. — ...Было доказано их полным совпадением со всеобщими логическими функциями мышления.

Зубрежка — основной метод обучения в японских учебных заведениях. Считается, что заучивание наизусть позволяет проникнуть в глубь предмета, а дословное повторение того, что написано в учебнике или сказано преподавателем, свидетельствует об особой образованности.

Теперь соедините принципы, внушаемые японцу с пеленок, с методом, которым это делается, и получите представление, каким путем в Японии формируют конформистов. Помню, как я встретился с одним из них.

В Японии не принято ходить в гости. Обычай в наше время окреп — стесненные жилищные условия подавляющего большинства японцев не позволяют принимать визитеров. Со служащим концерна «Мацусита дэнки» — назову его Итиро Ямакава — я встретился в кафе. Утром я видел Ямакаву в цехе. Заняв место в серо-голубой шеренге облаченных в униформу рабочих, он внимательно выслушал и повторил прочитанные с возвышения «Семь заповедей», отдельные пункты правил поведения были для него откровением и не раздавались ежедневно в цех, где он работал 15 лет. Затем с воодушевлением спел в унисон с другими гимн концерна. С заповедей я и начал разговор.

— Вероятно, вы действительно трудитесь упорно и добросовестно, как и требуют от вас «Семь заповедей», но много ли приносит этот труд лично вам?

— Добросовестный труд приносит прекрасные результаты. Он создает процветающее общество, — заученно начал Ямакава.

Я перебил его:

— Оставим пока общество. Что дает труд лично вам?

Ямакава подумал и ответил:

— Я получаю хорошую зарплату. В нынешнем году нам ее прибавили. На 12 процентов.

— На 2 процента, — поправил я. — На 10 процентов в этом году подскочили цены. Однако концерн «Мацусита дэнки» за этот же срок увеличил свои прибыли на 58 процентов. Значит, ваш «упорный и добросовестный труд» приносит баснословные доходы концерну и почти ничего не дает вам.

— Но он содействует процветанию общества, которому «Мацусита дэнки» отдает часть прибылей в виде налогов, — упрямо возразил Ямакава.

Тогда я привел высказывание министра финансов Масаёси Охира, признавшего, что если рабочие и служащие почти все исправно уплачивают причитающиеся с них налоги, то лишь от 50 до 60 процентов корпораций не утаивают от налоговых органов свои истинные доходы. — Вы уверены, что «Мацусита дэнки» находится в их числе? — спросил я.

Ямакава промолчал. Он будто и не слышал меня.

— Далее. Если «Мацусита дэнки» и другие корпорации заботятся, как вы считаете, о процветании общества, почему же у государства дефицит в бюджете? Почему неудержимо расширяется инфляция? Почему в Японии миллион безработных?

Снова молчание. Наконец Ямакава произнес:

— Концерн принял меня на работу и взял, таким образом, в семью «Мацусита дэнки». Я воздаю концерну за то, что он сделал меня членом своей семьи.

— «Быть благодарным и отвечать добром на добро»? — процитировал я одну из «Семи заповедей».

Ямакава удовлетворенно кивнул. Иронии он не уловил. И я подумал: напрасное занятие доказывать ему, что концерн его обирает, вкладывая в еженедельные конвертики с зарплатой значительно меньше, чем он в действительности заработал. Я спросил:

— Ямакава-сан, вы смотрите по телевизору драму о самураях княжества Сага?

— Конечно! — оживился Ямакава. — Очень поучительный спектакль. У нас принято обязательно смотреть передачи, которые финансирует концерн.

— Вы довольны своим положением? Вам не хотелось бы побыстрей продвинуться, занять более высокий пост?

— Я занимаю место, подобающее моему возрасту и рабочему стажу, — с достоинством сказал Ямакава. — Когда придет время передвинуть меня на новую должность, начальство сделает это. Добиваться самому должности неэтично по отношению к начальству, к служащим, которые старше меня и дольше работают в концерне.

— «Повиноваться и быть скромным»,— в тон Ямакаве произнес я заповедь «Мацусита дэнки». — Скажите, Ямакава-сан, что вы читаете?

— Журнал «Пи-Эйч-Пи», газету «Дух Мацуситы». Есть у меня любимые книги, я их перечитываю: «Путь к миру, счастью и процветанию», «Каким быть человеку», «Каким быть обществу».

Так вот откуда у Ямакавы готовые ответы на мои вопросы! Журнал «Пи-Эйч-Пи» — «Мир, Счастье и Процветание» — издается концерном, газета — тоже. Книги написал хозяин концерна Коносукэ Мацусита.

Общеизвестна манера японцев выражаться уклончиво и неопределенно. В журнале «Пи-Эйч-Пи» Мацусита отступил от этого правила. Цель воспитания конформистов он сформулировал четко и недвусмысленно. Рассуждая о роли профсоюзов — они в Японии представляют мощную классовую силу, — Мацусита написал: «Профсоюзы — одно из двух колес двуколки, именуемой бизнесом. Второе колесо — предприниматели. Чтобы двуколка быстро двигалась, требуется надежность обоих колес». Надежным же профсоюзное колесо станет, по мнению Мацуситы, «если члены профсоюзов перестанут думать о жестокой борьбе и заботиться о достижении своих требований». Какова в таком случае, задача профсоюзов? Мацусита очерчивает ее: «Надо стремиться к сосуществованию и сотрудничеству с предпринимателями».

Мацусита сознает, что соглашательскими профсоюзы сделаются тогда, когда большинство в них составят такие, как Ямакава. Отсюда и вся система оболванивания трудящихся, использующая и феодальную философию, и идеи современного менеджмента. Отсюда многочисленные ритуалы, которыми обставлен труд на заводах концерна «Мацусита дэнки» и других концернов.

В лучшей, на мой взгляд, книге о Японии, написанной советским журналистом, Борис Агапов дал удивительно точную характеристику системы, создающей антигероических героев:

«Стойкость идеологических координат, в которые после революции Мэйдзи (буржуазная революция 1867—1868 годов. — *Ред.)* был вписан капитализм, а после военного разгрома Японии в 1945 году — так называемая «демократизация», — поразительна. В эти координаты всажены сейчас и небывалое развитие индустрии, и немалые успехи науки и техники, и рост экономической мощи страны... Но координаты стоят.

Пусть молодежь вихляется в дансингах, пусть звенят в барах и кафе игральные машины, пусть даже боевые выступления рабочего класса становятся все более заметными на фоне «промышленного чуда» — какие-то силы поддерживают «особость» японского мира, как некое гравитационное поле, где любой предмет всегда будет готов соскользнуть к тому центру тяжести, который создавался в течение веков и который пестовался дьявольски хитрыми властителями в их интересах».

Координаты, о которых говорил Борис Агапов, сложены из самых разнообразных концепций — от нравоучений Конфуция до идеологических построений теоретиков «народного капитализма». «Задача состоит в том, чтобы воспитать поколение, обладающее самыми современными техническими знаниями и умеющее эти знания применять на практике, — заявил в 1962 году тогдашний премьер-министр Хаято Икэда. — Это поколение должно быть проникнуто духом гармонии, преданности, единомыслия, уважения к предкам и следования их примеру».

Оси сошлись в точке, которая в геометрии называется началом координат.

Токио, октябрь 1976 года

ПОД СТЕКЛЯННЫМ КОЛПАКОМ МИФОВ

Ее стихи — это та литература нашего времени, по которой будущие поколения узнают нас и дадут нам имя.

А. Е. Дайсон. Из предисловия к книге Сильвии Плат «Ариэль».

Т. ГОЛЕНПОЛЬСКИЙ

Среди имен, о которых много сейчас говорят в Америке, — имя Сильвии Плат. Кто она? Кто о ней говорит? Почему она стала героем статей, книг, разговоров? Вот три вопроса.

Кто она?

Из справочника по американской литературе

Плат Сильвия (1932—1963). Поэт. Род. Бостон, Массачусетс. Училась в Смитовском колледже и в Англии, в Кембридже (Фулбрайтовский стипендиат.) Здесь встречается с английским поэтом Тедом Хьюзом и остается в Англии. Ранняя смерть обрывает многообещающую поэтическую карьеру. Две книги стихов — «Колосс» (1960) и «Ариэль» (1965) — посмертно. Первая книжка — в основном личная: поэт и окружающие ее объекты. Вторая книжка — стихи-исповедь. П. лучше известна в Англии, чем в США, однако ее следует рассматривать как одного из наиболее впечатляющих американских поэтов. Также написала роман «Под стеклянным колпаком». Издан в 1963 году.

Вы пробежали глазами статью из американского литературного справочника, задержали свой взор на цифрах «1932—1963», отняли в уме 32 от 63 и узнали, что Сильвия прожила на свете 31 год. А теперь задумайтесь — что такое родиться в 1932 году, прожить до 1963 и быть американцем? Давайте «пробежим» теперь по этому пути.

Год 1932-й... Третий год Великой Депрессии — память о ней в Соединенных Штатах, по-моему, уже стала генетической, а страх перед возможностью повторения подобного — патологическим даже среди тех, кто родился в шестидесятом.

Когда Сильвии был год, в Германии к власти пришли нацисты. А потом были концентрационные лагеря, потом были печи Освенцима, газовые камеры Дахау. Эти страшные слова, как образы времени, выплывут в ее поэзии в виде всепожирающей, всеуничтожающей войны, питающейся юношами и детьми. В поэме войны — это кошмарный образ женщины-Феникс; она погибает, но не перестает угрожать людям своим новым возрождением из пепла, чтоб обратить в пепелище новую жизнь.

Великая ненависть поэта к фашизму порождает поэму, чьи образы наводят ужас на читателя. Страшно уже само ее умилительное название «Папочка», страшно, потому что отец Сильвии был немец. Умер он, когда девочке было 9 лет. Потрясенная нацистскими зверствами, она не может уйти от чудовищного вопроса: а если б жили они в Германии, неужто и отец, любимый папочка, был бы с теми? И страшен конец поэмы — «Лучше б убила тебя я, отец».

1945 год. Хиросима. «Я считаю, что личный опыт поэта не должен превратиться в замкнутую шкатулку или в некое холодное отражение прошлого. Я твердо убеждена в том, что творчество не может не заметить таких явлений, как Дахау или Хиросима» (из радиоинтервью Сильвии Плат).

50-е годы... Кончилась давно мировая война, но какова эта новая мирная жизнь? Какой образ наиболее точно выражает то время? Известный американский публицист и писатель Гор Видал писал: «Покой, граничащий со смертью, воцарился в интеллектуальной Америке». Духовный застой, беснующийся, шельмующий любую живую мысль антикоммунизм... То время определяют сейчас одним словом — маккартизм.

Из писем к матери [1]

«Апрель 26, 1956 г., Лондон.

Целых два часа провела на приеме у советского посла. Съела бесконечное количество черной икры и пила во здравие России водку, общалась с Энтони Иденом и Клементом Этли, была представлена советскому послу и его супруге.

Разговаривали с русскими офицерами, упоминали Достоевского, пили за русско-американские отношения. А потом еще говорила с очаровательным блондином, он здесь в торгпредстве. Решили: будем встречаться как простые люди, которые хотят иметь семью, и работу, и нормальную жизнь, и не будет войны оттого, что мы будем такими друзьями».

И — вскользь: «Британский радиокорреспондент прошептал мне в ухо, когда мы запели традиционную «Потому что они хорошие ребята»: «Пойте-пойте — вот не впустят вас обратно в Америку».

Она так и не вернулась в Америку — поехала туда с мужем, Теда пригласили преподавать в колледже Смита, где она сама когда-то училась, пожили недолго и не смогли, уехали в Англию. Во-первых, должен был родиться ребенок, и Тед хотел, чтобы это произошло в Англии, а во-вторых (это тоже из письма к матери): «Странные люди — неужели можно думать только о карьере и как тебе за твою жизнь заплатят? И это наша интеллигенция, преподаватели колледжа. У нас с ними ничего не получается».

Я бы мог приводить еще много примеров тому, как жизнь врывалась в поэзию Сильвии и как она оценивала события. Конечно же, в ее творчество они попадали не так, как попадают в газеты, а очень сложными, специфическими метафорами. И все же все они читаются, расшифровываются. Вот образы жертв маккартизма — Розенбергов. Вот политиканы «с безликими лицами» — «Им противно все, что не плоско, потому что плоски они сами»... Она была поэтом своего времени и поколения, жившего в эпоху «холодной войны», под сенью атомной бомбы, она создала сплав из горечи эпохи и своих очень личных проблем и горестей, и все это вложила в свою поэзию, ставшую больной совестью времени. Художник не только создает свое искусство — он в то же время создается им. Потому-то даже старые, известные нам герои поворачиваются к нам со временем новой стороной, а их страдания и мечты так походят на чувства современников.

Знакомый всем Гулливер. У Сильвии Плат это человек, опутанный ложью моральных пигмеев.

Над твоим телом плывут облака,
Высокие, холодные, презрительные
И плоские —

Без воспоминаний.
Совсем непохожие
На белых лебедей.
Совсем непохожие на тебя —

Их не сковали, не привязали.
Прохладные, чуть голубые — совсем
непохожие на тебя.

Ты лежишь на спине
И смотришь в небо.
Пигмеи скрутили тебя.

Они одели, а потом — и удвоили
свои путы,
Путы из шелка —
Это их мелкая взятка.

Как они ненавидят тебя!
Ведут они светские разговоры в
долинах меж пальцев твоих,
Они, эти червяки.

Они б хотели, чтоб ты уснул, чтоб
можно было упрятать тебя,
упаковать, прикрыть футляром,
Связать твои ноги, стереть твой
след.

А ну-ка — отойдите!
Отойдите на почтительное
расстояние!
А ты — восстань,
И пусть твой взгляд будет взглядом
орла,
И тень твоих разверстых губ — для
лилипутов пропастью будет.

Передо мной две книги — книга ее писем к матери и книга ее стихов. Странное дело — как два человека. Когда я читаю ее письма, я вижу прозрачно чистый образ женщины. Веселой, лукавой, любящей, влюбленной, любимой, нежной, но мыслящей притом очень трезво, даже практично. Твердо убежденной, что она поэт. Убежденной в этом с первого своего четверостишия. (Отправила его на конкурс в газету — ей было восемь лет. Премией за лучшее стихотворение была публикация в газете и брошка. «Отправляю вам еще одно стихотворение. Спасибо за брошь».) Совсем другой предстает она передо мной, когда я читаю ее стихи — и те, что написаны «для глаз», и те, что нужно читать вслух: Жанна д'Арк, восставшая против несправедливости; Мадонна, оплакивающая своего сына — мир, в котором она живет. Какая боль — как заживо содрали кожу. И для Сильвии мир тоже был проклятым местом, если в нем жил хоть один обиженный ребенок.

Литературоведы сейчас говорят — перфекционизм. Пожалуй. Духовный максимализм — пишут сейчас журналисты. Что ж, и это возможно. А как иначе, если ты поэт?.. Сильвия Плат не была трибуном или политическим пророком. Но вместе с тем она не была отделена от действительности. Она в двух измерениях одновременно. В своих письмах она глядела на действительность сквозь окно, а в стихах — через зеркало. «Я не жестоко, я только правдиво, как глаз маленького божка» («Зеркало»). Ей трудно было такими острыми и правдивыми глазами смотреть на окружавший мир, и потому больше всего она страдала от бессилия самолично уничтожить на свете зло, в каком бы облике оно ни проступало.

В жизни своей она не была героиней. Скорее она была человеком, испытывавшим почти физическую боль от соприкосновения с реальностью. В общем-то, если в простоте говорить, она хоть и не приняла окружающее, но и не осилила его, не справилась, открыла газ — и все.

[1] *Письма домой. Составитель Аурелия Шобер-Плат (мать Сильвии). Нью-Йорк — Лондон, 1975*

Кто о ней говорит?

Теперь мы обратимся ко второму нашему вопросу, а заодно, разумеется, посмотрим и что говорят о Сильвии Плат более чем через десять лет после ее смерти.

Когда-то Плат написала такие слова: «Страдания отдельного человека могут быть даже героическими — у него все же есть выбор, как идти на смерть: с высоко поднятой головой или ползти на четвереньках. Смерть и страдания как часть массового производства обезличены. В условиях конвейера даже смерть становится опошленной!» Слова эти, хотя и не ведает об этом сама Сильвия Плат, оказались вещими. В одном ошибалась Сильвия: ее имя не затерялось и не забылось, но, умерев жертвой — и общества тоже, она воскресла его кумиром. И вовсе не потому, что общество это сильно переменилось, а именно потому, что «в условиях конвейера ...смерть (и, добавим, жизнь) становится опошленной».

Из писем к матери

«Февраль 25, 1951 г., колледж Смита.

Ну, мамуль, дела! Староста за ленчем сказала: «Поздравляю, ты опять висишь на «Доске» — на этой доске вывешиваются вырезки из прессы об ученицах Смитовского колледжа. Да, тебе стоило бы посмотреть! Статья под заголовком «Юный триумфатор». Рисунок — имелась в виду я: девочка что-то с вдохновенным видом пишет, а рядом... корова! И подпись: «Рожденная писать! Семнадцатилетняя (два годочка щедро скинули) Сильвия Плат работает серьезно. Для того чтобы набраться нужного духа для рассказа о ферме, она месяц проработала скотницей». И еще один рисунок, изо рта кренделек, а в крендельке слова: «Сейчас я работаю над поэмой о море и надеюсь, что мне удастся устроиться на корабль». Интересно, откуда у них эти сведения? Вот уж не от меня. Вся эта чушь появилась 23 января в газете «Стар», город Пейора, штат Иллинойс.

Твоя знаменитая Сивви».

Разве это была «чушь»! Так, шалость редактора заштатной газетки. По-серьезному за это взялись много позже.

Сегодня толкователи, последователи и имитаторы толпятся на страницах литературных ежеквартальников. Среди королев красоты, мод и сплетен женских журналов, над которыми она так издевалась, появляются декларации о ее гениальности и элегантности страданий вообще, сопровождаемые улыбчивыми и наивными ее фотографиями (вот уж Сильвия не заботилась о посмертной славе, все фотографии — любительские). Поэт Роберт Лоуэлл словами об «устрашающем и победоносном совершенстве ее стихов» утвердил мистику имени Плат, а критик Альфред Альварец в книге «Яростный бог. Изучение самоубийства» канонизировал последние дни ее жизни.

«Болезненность ее стихов может служить эмблемой нашего времени, и многие молодые читатели восприняли отчаянье Сильвии Плат как единственно стоящую форму существования души. Ревнители экстремистских жестов, парадоксов, несогласия и терзаний, ставших не только широко распространенным современным опытом, но также и **современным стандартом** (подчеркнуто мною. — **Т. Г.**), увидели в ней Святую. К тому же — вот удобно — она умерла и уж никак не может оказать сопротивления таким трактователям ее образа» [1].

Нелепо было бы отрицать, что Сильвия Плат была человеком легкоранимым, нервным, человеком настроения. Верно и то, что ее поэтический мир был скорее минорным, а иногда и близким к отчаянию. Но ведь были у нее и другие минуты — она тянулась к радости, к счастью устроенной жизни; она горячо любила своих детей — дочь и сына и близких ей по духу людей... Но нет всех этих качеств в хрестоматийной Сильвии Плат — фатальность, болезненность, душевные стенания, такой стала Плат сегодня.

Итак, «болезненность... несогласие... терзания... современный стандарт...». Неужто и в самом деле столь много сегодня в Америке людей, которым нужен **такой** стандарт и **такая** святая? И не они ли какой-то десяток лет назад начинали с болезненного восприятия **конкретных** явлений западной действительности, с несогласия воспринимать ее **конкретные** нормы и конкретную мораль. Но годы и события размыли у какой-то части радикалов их прежнее настроение, превратив его в элегическое, сумеречное, обращенное в себя страдание души. Как размыли сегодняшние апологеты поэта прежний реальный облик Сильвии Плат, чья душевная драма порождена была ее нежеланием и неумением вписаться в их материальный мир. Вписали посмертно, превратив ее в символ отчуждения и терзаний для возвышенных интеллигентствующих душ.

Почему о ней говорят?

Если верно, что нынешних джентльменов делает портной, то уж то, что нынешние «герои» — продукт массовых средств информации, — это точно.

«Еще совсем недавно, когда появлялся великий человек, все задумывались, считая это божественным предначертанием. Когда «великий» появляется в Америке сегодня, все спрашивают, кто его агент по связи с прессой», — говорил социолог К. Бурстин.

Опросы, проведенные в США, показали, насколько сегодня сместилось, девальвировалось понятие героя, по существу же, во всяком случае, когда речь идет о современности, имеют в виду не героя, а знаменитость, что на языке Америки значит хорошо разрекламированную личность. В обществе псевдособытий знаменитость — чаще всего псевдогерой или его заменитель.

Случается и так, что человек и в самом деле может быть знаменит благодаря своим подлинным достижениям в науке или искусстве, но они известны и тем более понятны очень ограниченному кругу. Для широкой же массы он становится известным — вот парадокс — за те свои «заслуги», о которых раньше вообще никто не знал. Пишут о том, где он был, с кем он был, во что одевается, кто ему шьет, что сказал о...

Чего только не делают современные массовые псевдогерои, чтобы стать знаменитыми. Но все это псевдопоступки... В капиталистическом обществе сегодня быть подлинным героем — по существу, оставаться безызвестным. Ибо как только человек становится подлинным героем или хотя бы потенциально не таким, как все, он становится неудобным, непредсказуемым, плохо управляемым. Чтобы сделать его таким, как все, его образ коммерциализируется, растворяется в пустяках и тем самым нивелируется, низводится — и уже в таком виде канонизируется.

Особенно буржуазной пропаганде «удобны» герои умершие. Знаменитость очень быстро устаревает и забывается еще при жизни. Вот почему их выпекают в таком количестве. Герой умерший или погибший становится бессмертным в памяти людей мучеником. Над ним производят «пересадку ореола», в результате которой из личности протестующей он превращается во вполне официозную личность, которая теперь уж будет служить тому, против чего восставала при жизни.

Именно это сейчас пытаются сделать с памятью Сильвии Плат. Образовалась вакансия «на идола для интеллектуалов» — и хоть звучит это кощунственно, но, покончив жизнь самоубийством, она прошла по конкурсу на замещение этого вакантного места...

Нет, она не была героиней. Хотя я твердо убежден: человек, дарящий миру поэзию, совершает подвиг.

В 1970 году английский литературовед Чарльз Ньюман выпустил сборник «Искусство Сильвии Плат». Как в каждом подобном сборнике, в нем были работы о месте поэта в мировой литературе, список неизданных произведений, библиографический указатель. В общем, солидное академическое издание. А в конце — неожиданная глава, написанная критиком Мери Кинзи. Она попыталась проследить, как относились к творчеству Плат критики при жизни поэта и потом, проследить развитие «культа Плат»: «Мне кажется, будто сейчас Сильвия Плат превратилась во что-то вроде товара, упакованного в стихи и запечатанного датами рождения и смерти». Она приводит слова критика М. Розенталя, сказанные о «Колоссе» в 1961 году: «Книга, пожалуй, слишком длинна... Мисс Плат слишком искусна в словесной игре... Книга обнаруживает недостаток вкуса». В 1967 году в журнале «Спектэйтор» он сказал следующее: «Уже в «Колоссе» Сильвия Плат обнаружила всю мощь своего таланта. Отчаянный ее голос взывает к чувствам читателей в каждой строке». Может быть, не совсем этичный пример — критик-то имеет право на трансформацию своих вкусов, время идет. Только у Кинзи таких примеров много.

Прошло шесть лет. Издано четыре книги воспоминаний школьных подруг Сильвии Плат. Издана книга А. Альвареца. Изданы «Письма домой».

В рецензии на «Письма», опубликованной в июле 1976 года в журнале «Энкаунтер», Энтони Туайт писал: «Как-то мне выдался долгий и трудный вечер — я убеждал 20-летнюю дуреху, влюбленную в Плат и пишущую «под нее», что самоубийство — далеко не единственный способ познать ее поэзию».

Сейчас я читаю «Письма домой». Великолепный памятник дочерней любви... Но вообще — не слишком ли много мы о ней пишем? И зачем это? Мне немножко страшновато — вдруг выйду из дома в одно прекрасное утро, а у театра на углу — афиши: «Новый мьюзикл «Кто ты, Сильвия?»

Меня бы это не удивило. Время идет.

[1] *Ирвин Хау. Отклонитесь чуть от восхвалений... Лондон, 1973.*

НА СТАНЦИИ ПОД НАЗВАНИЕМ «КРИЗИС»

Азарий МЕССЕРЕР

„Если вы честный и искренний человек, желающий изменить мир к лучшему, звоните нам по телефону...»

Это странное объявление, напечатанное в американской газете «Денвер пост», попало на глаза Синтии Слотер. У Синтии были все основания считать себя «честной и искренней», тем более у нее были основания жаждать перемены мира к лучшему: с учением не клеилось, пробовала найти работу — безуспешно, в семье неурядицы. Синтия позвонила по указанному телефону. Ей ответил любезный женский голос, разъяснивший, что речь, дескать, идет о международной религиозной организации, хотя по целям она в каком-то смысле напоминает «Корпус мира»; короче, сказал голос, разумнее было бы зайти для личной беседы с одним из ее лидеров.

Синтию встретил улыбающийся молодой человек, коротко постриженный, одетый просто и опрятно. Говорил он с немецким акцентом. После короткого вступительного слова предложил Синтии провести уик-энд в чудесном загородном особняке, где она узнает подробнее о целях организации...

18-летняя парижанка Ариан Жеро тоже переживала трудные дни. Умер отец, первая любовь оказалась несчастливой. Она чувствовала себя одинокой. В метро к ней подсел молодой человек, корректно одетый, коротко постриженный, с вежливой улыбкой. Он заговорил с Ариан о проблемах молодежи — безработице, наркомании, падении нравов, о том, как важно найти вовремя цель в жизни. Наконец, он пригласил Ариан на уик-энд в уютное загородное поместье неподалеку от Парижа, где у нее будет возможность встретиться с ровесниками из одной молодежной организации, «стоящей на верном пути». Кстати, организация может предоставить и интересную работу...

После лекции в Токийском университете к Микио Гото подошел приятель и пригласил провести с ним уик-энд в загородном доме у реки. Будет пикник, песни, интересная компания, познакомишься с новыми идеями. Спустя две недели в доме Микио произошел следующий разговор:

— Какие новости, сынок?

— Новости хорошие, отец. Я открыл для себя наконец смысл жизни. Мне кажется, я познал истину. Понимаешь, в нашем мире творится что-то неладное. Процветают коррупция, наркомания. Люди перестали верить друг другу. К счастью, появилась наконец сила, которая может все изменить. Она провозгласила скорое наступление «новой эры». Но для этого нужно еще много трудиться, и я примкнул к этим благородным людям. Я ухожу, ты меня, пожалуйста, не ищи. Потом я тебе напишу....

Что же произошло с этими тремя молодыми людьми из столь далеких друг от друга стран? И что это за организация, столь успешно вербующая в свои ряды молодых и плохо устроенных в жизни людей? Что она, в конце концов, им предлагает, кроме перспектив «новой эры»?

Каким только культам не поклоняются в наши дни! В одних сектах дожидаются в пустынях прилета космических аппаратов с другой планеты, в других бьют поклоны ядовитым змеям и молятся, держа гадюк или кобр в руках. Только в США, по данным журнала «Ю. С. ньюс энд уорлд рипорт», сегодня около 1000 сект.

«Многие молодые американцы радикально изменили свой образ жизни; не со-

циальные бунты, не наркотики, а религиозные культы захватили их в последнее время», — пишет этот журнал.

Типичный портрет современного богоискателя таков: юноша или девушка из среды так называемого среднего, довольно хорошо обеспеченного класса, с незаконченным университетским образованием. Весьма часто эти молодые люди имеют за плечами «бунтарское» прошлое — притихшие ныне кампусы помнят еще события конца шестидесятых. Еще чаще это их младшие братья и сестры, это чуть «опоздавшее» на тот бунтарский «поезд» поколение; «поезд» и в самом деле ушел, оставив на их станции все тот же огромный груз вопросов и проблем. На станции под названием «экономический кризис» всегда хватает вопросов — и о хлебе для тела, и о хлебе для души. С хлебом насущным проще: у большинства родителей тех ребят, о которых идет речь, средств хватает и на себя и на детей. Но чем наполнить душу? Может, и здесь остаться иждивенцем, благо готовых рецептов «каким быть?» хоть отбавляй, на любые, как говорится, деньги?

Духовность, душевность, идеал — это вполне земные, точные, если угодно, это вполне простые слова. Молодой душе остро необходима идея, к которой можно шагать и шагать, или вера, за которую можно держаться, или бог, на которого можно надеяться, или герой, о котором можно мечтать... А на станции под названием «кризис» говорят... — о чем, впрочем, могут там говорить? — о вакууме идей, разумеется, о кризисе веры.

Нет, нынешнюю радикально настроенную молодежь официальная церковь вряд ли к себе привлечет — слишком скомпрометировала она себя, защищая те самые буржуазные ценности, которые молодежь отвергла. Тогда и стали появляться на этой необычной сцене общественного духа еще более необычные, такие по форме далекие от общепринятой религии «спасительные» вероучения.

Опыт последних лет дает возможность нарисовать не только типичный портрет богоискателя, но и типичный портрет бога во плоти, мессии. Он примерно таков: происхождение по преимуществу восточное (это дает возможность подключить к делу туманные термины, диковинные обряды); сама личность «спасителя», его, так сказать, внешний вид — как это ни странно на первый взгляд, обычно преомерзителен; поведение (особенно во время массовых радений, на манер поп-фестивалей) — эксцентричное, вызывающее. Короче, спаситель — это антигерой общества, которое он намерен спасти, у него все не как у людей. И все же причина, по которой он тем не менее становится героем, для части молодежи Запада довольно ясна — именно потому, что эта молодежь не приемлет официальных героев общества, она (учтите при этом ее наивность) доверяется нестандартным самозванцам. Но вот вопрос — а как же общество-то, научившееся обламывать рога и не таким «героям», терпит именно таких? Попытаемся ответить на этот вопрос на примере последнего из мессий.

Имя мессии — Сан Мьюнг Мун. Заметьте, имя это, а точнее псевдоним, звучит особенно привлекательно для жителей англоязычных стран: в нем и солнце (сан) и луна (мун) одновременно. Впрочем, Муна его последователи называют и «новым Христом» и «новым Адамом». Может быть, он и впрямь хорош, как библейский Адам? Отнюдь. Толстяк с лицом действительно круглым, как луна. Благочестив и свят? Только не он. Неоднократно был судим за разврат и в конце концов лишен сана священника пресвитерианской церкви в Южной Корее. Правда, это не помешало ему основать свою собственную, так называемую «унификационную церковь», или секту, под весьма сложным именем: «Ассоциация за унификацию мирового христианизма» (АУМС).

Но, может быть, у него оригинальные идеи? Изложенные в книге «Божественный принцип», они, по мнению специалистов, являют собой мешанину из евангельских проповедей, оккультизма, таоизма (китайское религиозное учение), социологии контркультуры, ньюмерологии (фетишизация чисел), и бог (или Мун?) знает еще чего. Есть там даже термины из атомной физики; например, по Муну, отношения между богом и человеком определяются по принципу взаимодействия между протоном и электроном. Его конек — идея об «идеальной семье». Сводится она к следующему: Адам и Ева не смогли создать идеальную семью, как им предписал бог, ибо сатана в образе змеи совратил Еву. Тогда через некоторое время бог послал на землю Христа. Но и он не успел найти себе достойную жену и создать идеальную семью, ибо его, как известно, распяли. Новый Адам, говорит Мун, по воле божьей должен был родиться через 2000 лет, точнее в 1920 году в Корее. Тут Мун немного темнит: с одной стороны, он сам не называет себя посланцем бога, но, с другой, и не отрицает такой возможности. «Разве Христос называл себя мессией?» — загадочно спрашивает он. На чем твердо настаивает Мун, так это на встречах и доверительных беседах с Иисусом Христом, а также со всеми библейскими апостолами и Буддой. Впервые, по его словам, Христос явился ему в 1936 году в день пасхи, когда он молился на горе. И сказал Христос по-корейски: «Ты, Мун, должен сделать то, что я не сумел сделать». То есть создать идеальное семейство.

Задание, хотя и ясное, оказалось хлопотливым. Мун довольно долго искал подходящую Еву (три неудачных женитьбы, а между ними судимости за разврат). Но в конце концов он ее нашел. Она, то есть четвертая Ева, тоже кореянка, родила ему 8 детей, и хотя еще не достигла «духовного совершенства» своего мужа, подает надежды.

В 1972 году Мун во главе «святого семейства» прибывает в США.

«Как может заурядный проповедник с весьма сомнительным прошлым собрать огромную толпу слушателей в видавшем виды Нью-Йорке?» — вопрошал репортер журнала «Тайм», описывая первое его крупное публичное явление. И отвечает: «Очень просто. Он выпускает на улицы две тысячи неутомимых, вежливых, но настойчивых молодых людей, которые предлагают прохожим бесплатные билеты. Он отваливает 300 тысяч долларов на рекламу, что включает публикацию двухполосных объявлений в газетах, радио и телевизионные анонсы, и обклеивает стены домов во всех районах города своими портретами, на которых улыбается во весь рот. И народ валом валит на стадион».

Но откуда взялись у Муна «две тысячи неутомимых, вежливых, но настойчивых молодых людей» и откуда взялись деньги? Начнем с главного, с денег. Надо сказать, что Мун прибыл в США не в рубище и не верхом на осле, как Христос в Иерусалим, а как уважающий себя миллионер — в собственном реактивном самолете. Сколотил капитал он дома, в Южной Корее, где он является хозяином таких крупных фирм, как «Тенджил индастриел компани», производящей оружие, и «Ильяха фармасэтикэл компани», выпускающей лекарства. По существу, Мун стал одним из крупнейших бизнесменов, доход его предприятий составил 10 миллионов долларов в год. Успех этот объясняется одним важным обстоятельством. Дело в том, что, кроме апостолов, у Муна есть и другие друзья: среди них выделяется южнокорейский диктатор Пак Чжон Хи. Последний, как известно, засадил в тюрьму тысячи своих противников, в том числе и немало священников. Однако Мун его покорил. Пак считает, что, присоединяясь к секте Муна, молодые люди тем самым выказывают лояльность его режиму (нужно сказать, что на предприятиях Муна работают, причем за символическую плату, тысячи адептов его секты). Главные помощники самого Муна — два полковника секретной службы Пака, которую по справедливости называют филиалом американского ЦРУ. Оба они были в течение долгого времени военными атташе при южнокорейском посольстве в Вашингтоне и, без сомнения, сделали немало для установления связей в США.

Однако при всем своем богатстве (в Нью-Йорке у него сейчас 25-комнатный особняк, 35 человек прислуги, две яхты стоимостью 250 тысяч долларов, бронированный «линкольн») Мун едва ли мог развернуть рекламную шумиху подобного масштаба на собственные средства. Так называемый «феномен Муна» стали внедрять в американскую жизнь, как кока-колу. Журналы и газеты запестрели его фотографиями, на которых он, как правило, запечатлен с каким-нибудь известным политическим деятелем. Радио и телевидение щедро отдавали ему наиболее слушаемое время. Мун вещал: «Как только мы пробудим достаточный интерес к нашему движению в стране, избранной богом (то есть в США), я с помощью средств массовой информации распространю мои идеи по всему миру, а когда половина населения земного шара перейдет на мою сторону, я переверну мир вверх тормашками».

Конечно, при следующей встрече Христос мог бы вполне упрекнуть Муна в определенном отходе от целей миссии — создании «идеальной семьи», а наивные слушатели, в свою очередь, — в хвастовстве, граничащем с помешательством. Но Мун вполне вменяем и главную цель из вида не упускает, а свой бред подкрепляет поддержкой весьма значительных в американской жизни сил, способных вложить в его «божественное предприятие» солидные средства. Завеса секретности, ограждающая связи Муна с деловым миром, с ЦРУ и Пентагоном, немного приоткрывается, когда он дает обеды в знаменитом нью-йоркском ресторане «Уолдорф Астория». Здесь можно встретить директоров крупных компаний, производящих оружие, ультраправых конгрессменов. В толпе знатных гостей то и дело мелькают мундиры с генеральскими погонами. Не туманными проповедями о любви к ближнему, не бреднями о личных беседах с апостолами привлекает Мун этих господ. Они сделали на него крупную ставку, ибо знают, что главная цель его движения — антикоммунизм.

Мун не скрывает, что стремится создать ударную силу из послушной ему массы «солдат божьих» для «нового крестового похода против коммунистов и всех левых». Это Мун был инициатором созыва двух конгрессов так называемой «антикоммунистической лиги» в Азии. Это Мун

призывал сбросить на социалистические страны атомные бомбы. «Царство божье могло бы существовать уже с 1954 года, если бы генерал Макартур осмелился тогда сбросить атомные бомбы», — заявил он. А с портретов, установленных в центрах АУМС во многих странах, Мун умильно улыбается, этакий добродушный, снисходительный папаша. С утра до вечера подле него стоят на коленях дети-«мунисты», истово молятся, повторяя: «Святой отец, помоги, святой отец, спаси»...

Вот мы и подошли к главному вопросу — как удается этому (пользуясь языком религии) сатане совратить десятки тысяч (по его словам, даже 2 миллиона) достаточно образованных, «честных и искренних» — помните объявление в газете — юношей и девушек? Собственно, этот вопрос задают многие, и прежде всего несчастные родители «мунистов». «Стоит подумать о качестве нашего образования, — говорит мать одного из них. — Мы набиваем головы наших детей всевозможными знаниями, но игнорируем все, что касается формирования «критического мышления». «Все дело в нашем обществе, — говорит отчаявшийся отец, у которого три дочери сбежали к Муну, — что оно может дать им взамен?»

Все так, но вряд ли эти ответы — ответ. Может быть, вот с какой точки взглянуть: святой, неземной Сан Мьюнг Мун предлагает своим молодым (заметьте: молодым!) последователям вполне земные, совершенно реальные и отчетливо выполнимые вещи. А именно: жить в чистоте, труде и взаимной любви. Быть моральными людьми! Плохо ли? Да прекрасно! (И так, кстати, непохоже на практические лозунги Запада: ты должен быть первым, лучшим среди избранных — вот что тебе для этого нужно купить, накопить, посетить, обольстить, выпить, надеть, продать и убить.) Все это действует на человека с нормальной моралью в ненормальном моральном окружении. Так действует, что цель действий теряется. Да и плохо ли: просто делать хорошие вещи и дела, приличные, не связанные с обманом других... И еще в одном наш святой, неземной Мун вполне практичен: он к этим выбитым из жизни все той же жизнью людям, к людям, тянущимся к добру, как чуду, применяет вполне заземленный, точно рассчитанный подход. Психология, обыкновенная психология! Чего только ею не достигали на пути превращения человека в послушное животное...

На службе у Муна целый штат психологов, которые и разработали методику «промывания мозгов», или, по-научному, «программирования сознания». Проходит этот процесс оболванивания несколько ступеней. Первая — это тот самый уик-энд в загородном особняке. Там главная задача «мунистов» — покорить, расположить к себе рекрута. На их жаргоне это называется «бомбардировать любовью» («лав бомминг»). Вот что рассказывает уже знакомая нам парижанка Ариан Жеро:

«На вилле Обле компания молодых людей угостила меня чаем с пирожными. Все они старались услужить, вертелись вокруг меня. Сразу начинаешь чувствовать себя значительной персоной. Нас спросили, какие мы знаем песни, и мы стали все хором петь. Девушки аккомпанировали на гитаре. У меня тут же появилась новая подруга Надя, которая держала мою руку в своей и мило ухаживала за мной».

Очарованные новобранцы соглашаются приехать вновь, на этот раз уже на неделю в один из учебных центров «ассоциации» (только в США подобные центры имеются ныне в ста городах). Там обстановка совсем иная. Обработка ведется и днем и ночью — либо «духовным наставником» в индивидуальном порядке, либо во время лекций, которые продолжаются по 8 часов. Вопросы задавать не разрешают: «Потом, потом все поймете, сомнение — это искушение дьявола». Цель такого «психического насилия» — нарушить у человека логический строй мышления. Связи между предметами, действиями и явлениями упрощаются до минимума, все делится на черное и белое — это совершается по воле божьей, а то — по воле сатаны. 19-летний американец Джон Райс говорит, что к концу недели он стал ловить себя на том, что, даже открывая водопроводный кран, думал: «А нужно ли это богу или сатане?» Но почему же они не бегут, что их держит в этих поистине дьявольских центрах? Синтия Слотер, откликнувшаяся, как вы помните, на объявление в газете, рассказывает: «Я хотела уйти, но мне все время внушали, что это сатана пытается меня оторвать от бога, потому что именно меня всевышний избрал для участия в создании рая на земле. Я чувствовала, что кто-то держит у меня над головой бомбу, которая взорвется, если я уйду».

Короче, примерно четвертая часть рекрутов остается. Их направляют на 100-дневную практику в крупнейших центрах Муна. Строительство одного из них, близ Тарритауна (США) обошлось в 1 миллион долларов. Туда привозят новообращенных со всего света. Многим, естественно, импонирует заграничный вояж. Однако дисциплина в этом «раю» казарменная. Здесь уже ведется обработка в массовом масштабе. Прибывших разбивают на большие группы, во главе каждой из которых поставлен лидер — «сержант Муна». Рядовые «мунисты» передают ему все свои сбережения, чековые книжки и даже права на наследство. Встают в 6 утра, и начинается день: гимнастика, коллективные моления у портрета Муна, лекции, скудная пища — фасоль и горький салат, к которому подмешан женьшень, и снова лекции — и так до достижения полной физической и моральной «кондиции». Постепенно у всех появляется на лице одинаковое выражение: отсутствующий взгляд, странная, как у куклы, улыбка. Тут они готовы для обряда посвящения, который обставлен в высшей степени театрально.

Примерно в 5 утра их всех поднимают криками «проснись и светись». Начинается моление, все дрожат от холода и нетерпения — вот-вот должен появиться сам «мессия». И он приезжает на черном бронированном «линкольне» в сопровождении целого взвода телохранителей с походными рациями и автоматами. В длинном белом балахоне, в короне, он ведет всю процессию на вершину горы. Там он поворачивается спиной к восходящему солнцу, так, чтобы над головой у него (ведь как рассчитал время!) образовался нимб из лучей, и восклицает: «Я ваш мозг, ваша воля!» — «Да, ты наш мозг, наша воля», — хором отвечают «мунисты».

...Много общего у движения Муна с нацизмом: и муштра, и массовое оболванивание, и антисемитизм, и даже подбор супружеских пар для выведения «чистой расы». Мун сам по фотографиям отбирает пары, которые после нескольких лет работы в его организации должны пройти обряд массового венчания (личный рекорд Муна — две тысячи венчаний в день. Рекорд установлен в Сеуле, куда пары прилетели со всего света).

Но как же живут эти «благословенные» семьи, чем занимаются, кроме выращивания «идеальных детей» и моральной подготовки себя к будущему «крестовому походу против коммунизма»? (Мун заявляет, что уже сегодня может «отправить миллион добровольцев на войну с КНДР».)

«Мунисты» делятся на несколько «рабочих подразделений». Одни по 10—11 часов вкалывают на предприятиях Муна, другие сбывают женьшень, поставляемый агентами Муна из Южной Кореи, третьи распространяют газеты Муна. Многочисленная группа занимается мелкой торговлей вразнос. По 16 рабочих часов в сутки они простаивают на оживленных перекрестках городов, продавая леденцы, орехи, цветы. Каждый обязан принести в кассу «мессии» не менее 50 долларов выручки за день. Вероятно, на эти деньги в прошлом году был куплен 42-этажный особняк — отель «Нью-Йоркер» стоимостью в пять миллионов долларов.

Многие родители пытались похитить своих детей из лагерей Муна. Они нанимали психиатров, так называемых «депрограммистов» — и это стало весьма прибыльной профессией в США. Депрограммисты в течение нескольких недель проводят с пациентами по многу часов в день, стремясь освободить их от навязчивых идей, внушенных им в секте. Это удается далеко не всегда. Трижды супруги Хеландер похищали свою дочь, и трижды полиция увозила ее обратно в секту. Ведь она совершеннолетняя и, значит, по закону вольна распоряжаться собой. Обращаться в суд на Муна и его секту дело накладное. В его распоряжении прекрасные юристы: супруги Хеландер, например, истратили на судебные процессы 40 тысяч долларов, вконец разорились, но так и не смогли вызволить из секты дочь.

Гарвардский психиатр Джон Кларк свидетельствует: «Я осмотрел десятки молодых людей, оставивших эту секту. Все они и физически и эмоционально истощены и нуждаются в длительном лечении». Психиатрическое отделение больницы в Берритауне, близ Нью-Йорка, заполнено бывшими «мунистами», страдающими от мании преследования. «До сих пор, хотя прошло уже несколько лет, моя дочь боится, что сам Мун придет и покарает ее за отречение». Это уже свидетельство одного из жителей ФРГ, в которой находится самый крупный в Западной Европе филиал секты Муна.

А теперь перенесемся с вами на несколько десятков лет назад и представим себе Германию 30-х годов. По улицам Мюнхена бредет парень по имени Пауль. Настроение у него скверное. Потерял работу, только что была сцена с родителями. Отец назвал его пустым человеком, без цели в жизни. Его внимание привлекает вывеска: «Молодежный клуб». Заходит в небольшой прокуренный зал, берет кружку пива и садится за столик. На сцене оратор с черной повязкой на руке. Слова его точно обращены к Паулю. Он говорит о безработице, инфляции, падении нравов, о том, что молодежь потеряна, у нее нет высокой цели. «Да, да, но как все это изменить?» — думает Пауль. «Дисциплина, моральное вооружение всех чистокровных немцев, новые идеи фюрера о национал-социализме», — впечатываются в мозг Пауля слова оратора. В тот вечер он вступает в организацию гитлерюгенд.

Сегодня Пауль Вернер, бывший член гитлерюгенда, возглавляет филиал секты Муна в ФРГ...

БЭБИГАНГСТЕРСКАЯ ИСТОРИЯ

Отчего это нам не страшны злодеи, обманщики, гангстеры и бродяги, населяющие рассказы О'Генри? Если разобраться, то не только из-за авторской иронии, но и из-за того, что все они — усатые, бородатые, со шрамами, наколками и пистолетами — остаются детьми. Они и к миру-то относились как дети.

Этой же «уловкой», но впрямую, воспользовался режиссер и сценарист нового музыкального фильма «Багси Мэлон» англичанин Алан Паркер. Фильм о нью-йоркских гангстерах 20-х годов. Как говорят, веселый фильм.

Что же может быть веселого в кровавых гангстерских историях? В них-то ничего, а вот пародия на многочисленные гангстерские фильмы вполне может оказаться такой. Все роли в «Багси Мэлоне» (имя главного героя) играют дети (средний возраст артистов — 12 лет). Дети, которые выглядят ироническим зеркальным отображением знаменитых актеров и актрис — прически, двубортные костюмы, штиблеты; платья фасона «чарльстон» с непременной ниткой бус до колен, стрижки «а-ля гарсон». Действие происходит в декорациях, точно воспроизводящих нью-йоркские кварталы времен гангстеров; по улицам мчатся точные копии «фордов» (правда, педальные); из окон «фордов» строчат точные копии ручных пулеметов «томпсон» (правда, стреляют они пироженным кремом). И главное — каждая ситуация в точности напоминает в свое время всерьез поставленную на экране... Только дети-актеры — отдадим им должное — по справедливости относятся ко всей этой серьезной игре в серьезную жизнь, как... к детской игре.

НОВОСТИ КУЛЬТУРЫ. Как-то уже привычно стало говорить о художниках, писателях, актерах — «А утром проснулся знаменитым». К французскому поэту Мартину Кальма слава пришла с вечерней почтой:

«Мы с радостью уведомляем Вас, что Вы избраны почетным членом Бразильской академии гуманитарных наук. Примите наши поздравления и проч.

Канцлер академии доктор Хьюго Шлезинджер».

Кальма немедленно приступил к выполнению формальностей, которые перечислялись на второй странице послания. «Почетный академик» должен был выслать по указанному адресу в Бразилию автобиографию, названия опубликованных трудов, организаций и клубов, в которых он состоит. И, кстати, 150 долларов для изготовления медали и почетного диплома, а также на почтовые расходы.

Утром в бразильском посольстве в Париже не переставая звонил телефон (подобные письма получили, оказывается, многие деятели французской культуры): «Нет никакой у нас академии, — устало твердил культурный атташе, — и доктора Хьюго Шлезинджера нет. Увы, 150 долларов мы вам вернуть не можем».

ТОРГОВЛЯ. Американские таможенники обнаружили новый вид контрабандной торговли между США и Мексикой: мексиканцы поставляют... тарантулов, которые используются американцами в качестве «злой собаки» — для защиты жилищ от воров. Один упитанный тарантул стоит 50 долларов.

ПРОБЛЕМЫ ГОРОДОВ. Как заставить ньюйоркцев ездить в метро, если это так опасно (о преступлениях в подземке писали много)? Муниципалитет города придумал очередное решение. Собрали в студии грамзаписи 20 знаменитых ньюйоркцев — певцов, музыкантов, актеров — и записали с этим хором веселую песенку. Припев такой: «Всем хорош для Лондона автобус, но лишь в метро объедешь весь Нью-Йорк». Доходы с пластинки пойдут на улучшение обслуживания пассажиров.

Была и вторая цель: быть может, приятная мелодия привьет любовь к метро хотя бы любителям поп-музыки?

НОВОСТИ НАУКИ. Крысы, как известно, издавна считались предвестниками кораблекрушений. Но, если верить лондонской «Таймс», в наши дни они могут служить также индикаторами экономического положения страны. Раньше Англия импортировала большое количество этих животных из других стран — для использования их в научных экспериментах. В прошлом году ввоз крыс резко сократился. Объясняется это тем, что научные лаборатории значительно сократили объем работ, да и ученые бегут из пораженной кризисом Англии.

СУПЕРМЕН В НОВОМ ЦВЕТЕ

Точнее — Майтимен (от англ. mighty — могущественный). Точнее — для черных. Впрочем, в ЮАР, где действует Майтимен — герой специальной серии комиксов, издаваемой для коренного населения этой страны, «черный» и «бедный» — синонимы.

Итак, чем отличается Майтимен от своего американского собрата? Во-первых, цветом. Во-вторых... А во-вторых — ничем. Задача Майтимена столь же проста, как и у его американского коллеги, — убедить словом и делом нехороших людей (в данном случае цветных), что все будет прекрасно, если они будут себя примерно вести. В расстрелах в Соуэто сами ведь борцы за гражданские права виноваты — спровоцировали выступления. И Майтимен говорит (за точность цитаты ручается американский журнал «Ньюсуик»): «Боже, благослови молодцов-полицейских, охраняющих наше общество от разрушения».

Некоторые «нехорошие» южноафриканцы говорят, что комиксы эти призывают цветных беспрекословно принимать власть белых. Издатели же «Майтимена» — южноафриканский газетный магнат Йонас ван Зил Альбертц и его американский компаньон Джон Маккофф — возражают: «Наши комиксы образовательные. Они помогают африканцам познать ценности западной демократии». Что тут возразишь? Правы издатели.

ВЫ СПРАШИВАЛИ

ПОБЕДИТЬ ПРИ «ВАТЕРЛОО»

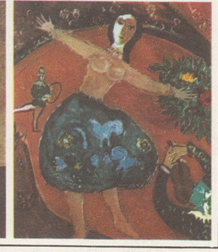
Обычно бывает так: песня, победившая на ежегодном конкурсе Евровидения, месяц-другой гремит по всему миру, а затем и она, и ее исполнитель исчезают бесследно. Избежал печальной закономерности лишь шведский квартет «Абба». Они выиграли конкурс Евровидения в 1974 году с песенкой «Ватерлоо», и на этот раз симпатии миллионов телезрителей были оправданы. Группа выпустила уже около десятка «сорокопяток», и некоторые из них — «Фернандо», «SOS» — имели даже больший успех, чем изначальное «Ватерлоо». Недолговечный рекламный ярлык «Победители Евровидения» как-то сам собой стерся, и группа обрела твердый статус.

Возник квартет в 1972 году, а название его — первые буквы имен участников: певиц Анны и Аннефрид, гитариста Бьорна и пианиста Бенни. Музыкальная стихия «Аббы» — это поп-музыка, легкая, незамысловатая, но в то же время прекрасно исполненная, темпераментная и эффектная.

Как нам сообщили в фирме «Мелодия», в этом году выходит лицензионный диск «Аббы».

ВАМ ПОД МАТИССА ИЛЬ ПОД ПИКАССО?

Амедео Модильяни писал свои полотна в нетопленной мансарде, мечтая о куске хлеба. 60 лет спустя Дэвид Стейн пишет «полотна Модильяни» в роскошной студии, разъезжает в «роллс-ройсе» и обедает в фешенебельном лондонском клубе «Амбассадор». Жулик? Да, было дело, сидел по обвинению в 97 случаях подделок. А сколько фиктивных Гогенов, Ван-Гогов, Пикассо хранятся под семью замками в частных коллекциях и даже в музеях, хотя написал их все тот же талантливый фальсификатор Стейн? Сам он признается, что сотни. По его словам, он даже жаждал попасть в тюрьму, чтобы наконец покончить с проклятой неизвестностью. Действительно, процессы над ним были настолько громкими, что снобы стали даже гордиться имеющимися у них «Стейнами». Выйдя на свободу, он едва мог отбиться от заказов: «Напишите меня в стиле Модильяни», «А меня — в стиле Гогена». Последние его шедевры: «Брижит Бардо под Матисса» и «Английская королева под Пикассо». Памятуя о законе, Стейн теперь обязательно ставит свою подпись, правда, на обратной стороне холста (по просьбе заказчиков, конечно). Полотно «Циркач» (справа) он выставил на специальной экспозиции своих «Шагалов», пригласив на нее самого Шагала. Слева — «Модильяни».



О, НЕСЧАСТНАЯ БАРБИ...

Кризис современной семьи, о котором так настойчиво говорят социологи Запада, похоже, и в самом деле болезненный вопрос, если даже такой примерной паре, как куклы Барби и Кен (о них мы писали в № 11/76 в статье «Алиса в стране вещей»), грозит распад.

Причин для развода реальных семей в наше сложное время — предостаточно. В ссоре Барби с Кеном виновник один — фирма игрушек, выбросившая на рынок куклу Шер, точную копию одноименной американской рок-певицы (на снимке из журнала «Крим» — настоящая Шер со своими пластиковыми дублями). Родители дочек «в обычном кукольном возрасте» (таков термин фирм-производителей игрушек для девочек от 6 до 9 лет), естественно, обеспокоены: приложение к кукле — сценические туалеты Шер стоят столько, что не всякая семья может позволить такие траты.

Но это еще полбеды. Настоящая Шер выступает в дуэте с певцом Сонни. Его явно не хватало на игрушечной сцене. Наивные девочки предложили было ей в партнеры «старичка» Кена, все одно он в игрушках без дела валяется. Но не тут-то было: фирма «во избежание профанации искусства» тут же выбросила на рынок игрушечного Сонни.

Реальный Сонни известен своей р-р-революционностью (такой имидж он себе придумал — даже на сцену выходит с болтающейся на шее на цепочке бритвой). Как бы он не расправился с обеими семьями, ведь тогда бедной фирме игрушек снова придется ломать голову: что бы еще предложить детям?

ПОЛЕТЕЛИ, ПОЛЕТЕЛИ — НА ГОЛОВУШКУ СЕЛИ

Недавно завершился третий международный конгресс Общества астронавтики древности. Сорок достойных джентльменов обсуждали животрепещущие проблемы астроархеологии.

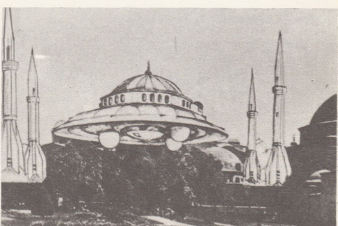
Тон задал автор нашумевшего фильма «Воспоминания о будущем» швейцарец Эрих фон Деникен, который предложил собравшимся свою новейшую теорию происхождения человека: гомо сапиенс — результат, так сказать, встреч человекообразных обезьян и астронавтов, прилетевших на Землю с других планет.

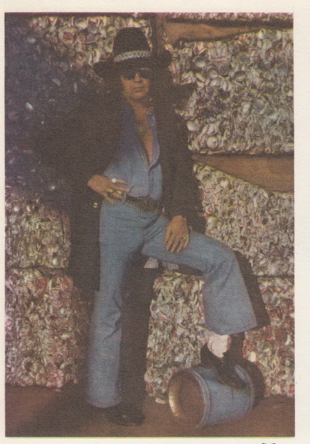
Назревает вопрос: куда же подевались космонавты? Деникен эту проблему решил просто: мол, сделав дело, по домам разлетелись. Ученые коллеги не согласились: англичанин Дрейк полагает, что они все еще летают вокруг Земли в своих «тарелочках», австралиец же Томас всех положил на лопатки: астронавты, сказал он, до сих пор живут в Тибете.

Что тут началось! Какой только судьбой не одарили пришельцев, благо на заседаниях общества царила полнейшая демократия: говори кто хочешь и что хочешь. Бедняги космонавты гибли в смерче атомной войны, испепелялись лазерными лучами, наконец, просто исчезали в первом, втором, третьем и четвертом измерениях...

Шум утихомирил швейцарец Мехледегаард. Он показал присутствующим несколько фотографий. (Одну из них вы видите, читатель.) «Если хорошенько приглядеться, — сказал швейцарец, — то купол знаменитой стамбульской мечети Айя-София вовсе и не купол, а космический корабль!» А минареты — не минареты? «Правильно, это ракеты на старте!» Вот так они и улетели...»

Разлетелись и участники третьего международного...





«Я — УБИЙЦА!»

Лэрри КИНГ,
американский журналист

Он на сцене — высокая черная шляпа вроде той, что носил певец Том Микс (только у Микса была белая — Хорошему Парню приличествовал белый цвет), от шляпы до шпор увешан фальшивыми брильянтами, массивный, в мрачном джинсовом костюме. Как всегда, выступление начинает словами (которые старательно впихивает и в каждую пластинку — чтоб не забывали): «Ну-ка, деревенщина, стойте прямо да трепещите — перед вами Дэвид Аллан Коу, Таинственный Брильянтовый Ковбой!» Ежели вы не желаете трепетать, он охотно пообещает сломать вам парочку ребер. И уж непременно скажет он вам — это он доверительно сообщает на каждом концерте обитателям первых рядов, — что чудом удалось избежать ему смертной казни, потому как в тюрьме штата Огайо дал в зубы одному коллеге по отсидке, «а тот оказался таким слабаком, что откинул копыта».

И вот сейчас, здесь, странно теплым февральским вечером в Джилли-клубе в Пасадене Дэвид Аллан Коу насылает библейские проклятья на «этих паразитов из «Роллинг Стоун [1]», обещая покалечить их, если они не прекратят клеветническую кампанию. Далее он посвящает издателю и редакторам журнала собственную композицию под названием «Выбить бы из вас мозги». Гитары звон, толпа улюлюкает, рычит — этот старательный «старый паршивец» сумел затронуть самые нутряные струны ее души. Коу важничает, Коу хмурится, вызванивая мотив, и глуполицый подросток в теснейших джинсах любовно обращается ко мне: «У, здорово!»

Коу нагибается к микрофону: «Эти писаки из «Роллинг Стоун» должны радоваться, что старый Брильянтовый Ковбой еще не потерял чувства юмора, а то другой бы на моем месте нанял парочку профессиональных убийц и выбил из них куриные мозги. Но они и того не стоят». Кивает в ответ на одобрительный смех зала и разражается довольно живой интерпретацией «Танцующего медведя Дакоты», затем следует баллада «Когда я в Далласе был молодым ковбоем». После Коу хвалится, как он душу отвел, вдосталь наругавшись пару дней назад в какой-то радиопередаче. Странное дело — хотя Коу явно хочет, чтоб его музыку воспринимали всерьез, все равно остается впечатление, что песни — лишь разбивка между настоящими его номерами: кровожадными байками о себе и о воображаемых врагах.

Дэвид Аллан Коу взъярился на «Роллинг Стоун» потому, что журнал, видите ли, начал распространять слухи, будто он никого никогда не убивал! Представьте! Нет, только подумайте! А они-то сами убивали кого, а? Сидят себе, чистюли, в своих оффисах с кондиционерами, тычут кривыми пальцами в машинку, а из машинки выползает эдакий поклеп: статья, которая может погубить честную дурную репутацию человека только потому, что тот не может представить редакции труп, сработанный им двенадцать-тринадцать лет назад. Ну, дальнейшее вы, вероятно, знаете: сначала журнал «Кантри Мьюзик» усомнился в Дэвидовом преступлении; потом эта телепередача в Далласе, и вот — ишь ты — уж и ребятишки-поклонничнчки посмели заиметь свои сомнения!

Вообще-то тюремное прошлое — частая приправа к биографии певцов «кантри-энд-вестерн». Это вроде как признак силы, смешанной с несчастливостью — то вспыльчивый, но честный ковбой кого-то отлупит (естественно, защищая девушку или бедняка), то беднягу прячут за решетку из-за украденного куска хлеба, и так далее. То есть преступления их — лишь проступки, давно оправданные перед лицом высшей истины.

Но Коу отличается от всех этих стандартно нестандартных одиноких ковбоев подачей своего прошлого в крупную клетку. Хэггард, Кэш [1] и прочие говорят о прошлом стыдливо, голосами, дрожащими от искренности. Это раскаявшиеся грешники, дурные овцы, вернувшиеся в стадо. У Дэвида Аллана Коу — никакого такого слюнтяйства, детки! Он на сцене — все еще непредсказуемый хулиган, колоритный отброс общества, с детским удовольствием выкрикивающий ругательства.

Коу прекрасно видит, что его аудитория с не меньшим удовольствием заглатывает эту грязь, что примерные мальчики за свои деньги просто счастливы видеть плохого мальчика, тыкающего миру кулаком под дых и плюющего и в бога, и в душу, и во все остальное. И вот Коу рычит в услужливо поданный микрофон: «У меня через три недели должен выйти новый альбом. Так они (кто «они» — неизвестно) сказали, что не выпустят, пока я не перестану ругаться на сцене. А я им!..» (в зале рев и свист). Я потом узнал объяснение такой невероятной смелости: за час до концерта Коу сообщили, что выпуск его альбома откладывается по чисто техническим причинам.

Когда Коу прибыл в Нэшвилл, столицу «кантри-мьюзик», прямо из исправительного дома штата Огайо, его поджидали обычные нищенские разочарования среднего американского мечтателя о славе. Надо было привлечь к себе внимание. Первым делом он купил подержанный катафалк, на котором аршинными буквами намалевал свое имя. Катафалк припарковал у «Аудитории Римана» (тогда там помещалась «Гранд-Оул-Опри») [2]. Коу исправно платил штрафы за

---

[1] *«Роллинг Стоун» — американский журнал. (Прим. ред.)*

[1] *Мерл Хэггард, Джонни Кэш — известные исполнители «кантри-мьюзик». (Прим. ред.)*

[2] *«Гранд-Оул-Опри» — концертный зал, центр «кантри-мьюзик». Об этом жанре см. статью Л. Переверзева «Кантри: сельская музыка становится городской» в № 1 «Ровесника» за 1976 год.*

неположенную стоянку и надеялся, что музыкальная общественность заметит — если не его, то катафалк. Но Нэшвилл был свидетелем стольких актов отчаяния, что очередной голодный прожектер в цирковых ковбойских полусапожках и десятигаллонной шляпе и даже с катафалком его просто не интересовал. Брат Коу, Джек, вспоминает: «Дэвид начал ходить в места, где собираются всякие шишки, и, мне кажется, он просто запугал их до того, что они согласились послушать, как он поет. Похоже, он буквально понял выражение «преодолеть все барьеры», потому что как-то раз действительно высадил дверь в студии грамзаписи». Этой студией была фирма «SSS», и ее менеджер Шелби Синглтон, выпустивший первый альбом коувских «тюремных баллад», говорит теперь: «Я всегда допускал, что Дэвидовы истории — на 92 процента вранье. Но они проходимы».

Ну, положим, Шелби недооценивал своего юного друга. Коу действительно запихнули в девять лет в училище для «трудных детей из неблагополучных семей». Он действительно несколько раз побывал в заключении, действительно подпортил несколько физиономий. Но эти скромные успехи не удовлетворяли его тоски по трагедии. Бедный Таинственный Брильянтовый Ковбой — жертва неудачно складывающейся судьбы и безжалостного общества... И вот он объявляет себя замешанным в вооруженном ограблении (приписав себе заслуги достойного Братца Джека). За убийство же 17 лет просидел в тюрьме его не менее почтенный отец.

«Впервые Дэвид попал в тюрьму по ошибке, — вспоминает Джек. — Какой-то его приятель стащил в поезде пальто, ну, Дэвид собирался на свидание и попросил пальто — он же ничего не знал, хотел приодеться. А копы заметили...» Потом он попался на вождении автомобиля без лицензии. Потом еще какая-то дурацкая история...

Теперешний Дэвид, важный, тяжеловатый и, в общем-то, изрядно потрепанный в свои 36, заявляет, что от девяти до 28 лет «ни разу не дышал воздухом свободы больше 60 дней кряду». (Это он говорит после концерта у себя в автобусе — я пришел брать интервью.) Коу проявляет завидную инициативу в разговоре: «У меня 365 татуировок — по одной на каждый чертов день года. Мой календарь!» — прибавляет он хвастливо и смотрит, как вы отреагируете. Поздравите? Потупите глаза? «Один мерзавец в Хьюстоне предложил мне миллион зелененьких, если я спою его девчонке «Счастливого дня рождения». Я, конечно, отказался, а он начал приставать. Теперь он вопит, чтобы я оплатил ему лечение, — Коу хитро поглядывает на визитера. — Страсть, как люблю писак! Уже двоим вставил челюсти за свой счет». Журналист, начитанный о проделках Коу, неискренне смеется. Коу смеется искренне.

Я провел с ним несколько дней. Вот что скажу: хотя в это трудно поверить, да и Коу «сам перережет глотку каждому, кто посмеет заикнуться об этом» (так что я рискую!), но вне сцены Таинственный Брильянтовый Ковбой выглядит удивительно пристойно. Вне сцены он скромный, даже застенчивый человек, непьющий, не переносящий в своем автобусе курильщиков, охотно одалживающий деньги и трогательно играющий со своей маленькой дочуркой. Трудяга, он сам водит автобус группы и даже таскает инструменты, вся жизнь его — в дороге, он дает по двадцать концертов в месяц. Когда Коу не работает под профессионального подонка, он обнаруживает достойное чувство юмора, и его неожиданно умные глаза спокойно поглядывают на собеседника.

Но облака появляются на челе, подбородок каменеет, если кто-то в момент такой его размягченности смеет усомниться в том, что он убийца. «Мой адвокат, ребятки, сказал, чтобы я не выдавал деталей, а то мне, сами знаете, что грозит... Любой мой рассказ об убийстве будет выглядеть как признание. А на кой черт мне это надо, а? Я не собираюсь назад в тюрьму!» Нежелание это не мешает ему, однако, сообщать со сцены, сколько мучительных часов провел он в ожидании смертного приговора, и лишь решение Верховного суда об отмене высшей меры спасло его.

И в этой истории концы с концами не сходятся. Коу говорит, что убил где-то в шестьдесят втором — шестьдесят третьем году, а решение Верховного суда было принято в 1972-м. Если ему напоминают об этом, он говорит, что в штате Огайо смертная казнь была отменена раньше. Но нигде никакого упоминания об этом событии нет, как нет документов, удостоверяющих обвинение Коу в убийстве.

Коу очень хитро отвечает на прямые вопросы: «Известно, что далеко не все происходящее в нашей стране находит свое отражение в документах. Вспомните про Уотергейт, ребятки. А я знаю, за пачку сигарет можно вписать или выдрать из тюремных документов все, что угодно. Обычное дело — тюремщики нарушают законы и прикрываются. А потом, вы, праведники, вы ведь даже не представляете, что там на самом деле происходит! Вы и я — мы пришли сюда из разных миров. Эта дурацкая телестудия в Далласе — ну, что на тринадцатом канале работает, — когда делала передачу обо мне, удостоверилась ведь, что я сидел в блоке «L» — а все знают, что это камера смертников. Так они, вот лжецы, заявили, что меня засунули туда ненадолго, просто за нарушение режима!» Коу прямо бесится, когда слышит, что поместили его туда потому, что в обычных карцерах места не было, — «Глупые инсинуации!». Потом он пытается свести разговор на другое: «Пиши о моей музыке, парень. В конце концов, я ею занимаюсь, я прежде всего музыкант. У меня старики родители, и им неприятно слышать о сыне всякие гадости. — Дальше опять за свое. — А я могу и в суд на вашего брата писак подать, и уж мои старики покажут там письма, которые я им из камеры смертников слал!» Потрясающе! Перед нами человек, угрожающий подать в суд на того, кто посмеет усомниться в его репутации убийцы!

Ирония судьбы заключается в том, что теперь для карьеры Коу этот дразнящий имидж, то есть образ, вовсе не так уж необходим. Возможно, он нужен был ему вначале — чтобы хоть как-то выделиться. Но сейчас-то он уже законченный профессионал, мастер, одинаково хорошо исполняющий и старые баллады, и новейший кантри-рок. Он прекрасно играет на гитаре, пишет приличные стихи, да и внешне весьма сценичен — что уж ни за какие деньги не купишь. Даже Братец Джек говорит: «Я бы рад, чтоб Дэвид сменил свой имидж. Он уже вполне на уровне, и вся эта тюремная трепотня ему ни к чему. Она свое отыграла. Вы послушайте, как он имитирует великих — правда, здорово?» Коу действительно очень симпатично, с какой-то мягкой усмешкой поет старые песни родоначальников «кантри». Уже одно это могло бы составить ему славу...

Вообще-то Коу для меня загадка. Я попытался покопаться в его детстве. Мать говорит, что до семи лет его наряжали в девчачьи платьица, да и всем поведением своим он был скорее похож на девчонку. Потом, в училище, он тоже больше мечтал, чем узнавал. У него вообще была склонность путать воображаемое с действительным. И я пришел к заключению: Коу действительно верит в то, что он убийца, — для него это какое-то доказательство силы, признак его индивидуальности — может, это и полубезумие, но вспомните его нелепую юность. Безжалостная машина перемолотила его, и он — страшно, но бывает, — нашел утешение именно в своем тюремном прошлом (в спальне Коу в гастрольном автобусе висит потускневшая фотография хозяина — остриженного, анфас и в профиль, с тюремным номером. Под фотографией приколота бумажка с отпечатанными на машинке словами: «Разыскивается убийца!»).

Автобус прибыл в Пасадену. До концерта несколько минут, в небе болтается доисторическая луна, толпа ждет появления своего героя. Коу выскакивает, врубается в кучу слабоногих юношей, увидел приятеля: «Слышь, ко мне опять прицепились на той неделе в Нэшвилле! Надоело, — жалобным голосом и искренне, — вот так, работаешь, а газеты, конечно, за всякую чепуху цепляются, а про то, как пою, — ни слова...»

Он на сцене — и куда девалась вся его мягкость и этот жалобный минуту назад голос. Он полон сарказма, мужествен, груб. Он корчит бандитскую рожу в ответ на приветственные вопли зала и запевает воинственную песнь: «Эй, деревенщина, старый поганец опять в городе! Прячьте под замок жен и кошельки, и упаси вас боже ходить по темным улицам».

Перевела с английского О. СТРИЖЕНОВА

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. Л. АРТЕМОВ, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ (зам. главного редактора), О. А. ГОРЧАКОВ, В. В. ГРИГОРЬЕВ, М. А. ДРОБЫШЕВ, В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (ответственный секретарь), Б. А. СЕНЬКИН

Художественный редактор О. С. Александрова
Оформление М. М. Ракитнина
Технический редактор В. Н. Савельева

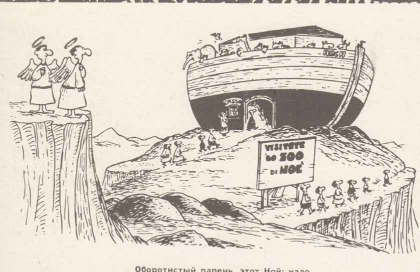
Адрес редакции: Москва, 103104, Спиридоньевский пер., 5. Телефон 290-36-55. Рукописи не возвращаются.
Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

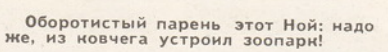
Сдано в набор 18/XI 1976 г. Подп. к печ. 30/XII 1976 г. А14691. Формат 60×90⅛. Печ. л. 3 (усл. 3). Уч.-изд. л. 5,2. Тираж 470 000 экз. Цена 25 коп. Заказ 2048.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

Что-то долго нет черепахи... Может, нам не стоило посылать за ней улитку?

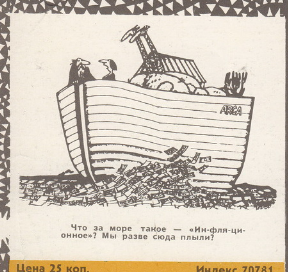
Без слов.
или лишние твари на пароме жизни.





Оборотистый парень этот Ной: надо же, из ковчега устроил зоопарк!

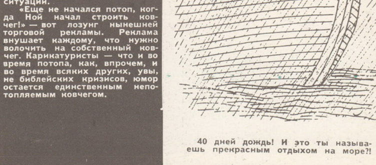
Простите, но вы до сих пор придерживаетесь мнения, что коллега Ной — обыкновенный паникер?



Что за море такое — «Ин-фля-ци-онное»? Мы разве сюда плыли?

Не то чтобы на Западе о старике Ное когда-нибудь забывали: как, право, забудешь такого гениального футуролога — все предусмотрел, все продумал и всем необходимым запасся... Но кто мог подумать, что Ною, герою библейских сказок, суждена такая новая, блистательная карьера! Карьера современного героя, лихо выбирающегося из любых критических ситуаций.

«Еще не начался потоп, когда Ной начал строить ковчег!» — вот лозунг нынешней торговой рекламы. Реклама внушает каждому, что нужно волочить на собственный ковчег. Карикатуристы — что и во время потопа, как, впрочем, и во время всяких других, увы, не библейских кризисов, юмор остается единственным непотопляемым ковчегом.



40 дней дождь! И это ты называешь прекрасным отдыхом на море?!

Цена 25 коп. Индекс 70781